

ДИАНА ХАНТ

Дочь

ДРАКОНА

серия «Дочь дракона»

книга 1

12+

Дочь дракона

Диана Хант

Дочь дракона

«Автор»

2018

Хант Д.

Дочь дракона / Д. Хант — «Автор», 2018 — (Дочь дракона)

Разве ожидала я, обычная студентка, привычная к повышенному вниманию мужского пола, что в мою жизнь ворвутся сразу два чертовски обаятельных индивида? Причем настолько обаятельных, что даже я теряю рядом с ними волю. И не просто ворвутся, а потребуют моего возвращения в некий волшебный мир, в котором я мало того, что принцесса, еще и дочь дракона...

© Хант Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Диана Хант

Дочь дракона

Глава 1

– Таса-сан, не спи, замерзнес!

Я ушла от подсечки, перевернулась в воздухе и сделала выпад.

Место, где только что стоял мастер Горо, оказалось почему-то пустым.

Мягкий удар по затылку и сильный – в болевую точку на плече. Скорчившись от боли, перекатилась по матам, в надежде, что коварный японец не достанет.

Мастер Горо легко перепрыгнул через меня и со снисходительной улыбочкой ждал, когда встану на ноги. Благодушно-обманчивое выражение лица бесит больше всего.

– Белоснежка сегодня не в форме, – раздался издевательский выкрик из-за веревочного ограждения и тут же обидно загоготали.

– Ну, Попов, нарвался, – вырвалось сквозь зубы, прежде, чем одним прыжком вскочила на ноги.

Атакую с шумным выдохом. В последний момент мастер Горо выныривает из-под ноги, и, схватив за нее, чертит мной дугу в воздухе.

Перед глазами успевает пронестись небо в высоком окне, стая перепуганных грачей, а также лица студентов в кимоно, ожидающих своей очереди к мастеру Горо.

Гулкий удар о маты. Не успела сгруппироваться и больно ударилась всем корпусом. Из груди вырвался стон. Видимо, на пару секунд потеряла сознание, потому что пришла в себя от резкой боли в плече.

Оказывается, мастер Горо прыгнул сверху и вывернул руку. Свободной рукой он сунул мне под нос старинный секундомер с замершей стрелкой и объявил на весь зал:

– Тватцать тебе секунды. Харасо, Таса-сан, отень харасо. Но тебе нудзно утится слердзивать свою ярость. Пока она враствует над тобой, враస్తుет и противник.

– Как будто вы бы без ярости меня не уделали, сэнсэй, – пробурчала я и вскрикнула, когда японец на сантиметр сдвинул вывернутую руку. Сообразив, где допустила оплошность, поспешила исправиться: – Спасибо за науку, сэнсэй!

Руку отпустили и я, перекатившись на спину, вскочила на ноги.

Мастер Горо, который также успел подняться, ответил на мой церемонный поклон и тут же утратил ко мне интерес.

Перемахнув через веревочное ограждение, я, поморщилась от жидких аплодисментов, устремила в сторону раздевалки.

– Ну, Попов-сан, мозет вы покажете, сыто горазды не торько ком-мен-ти-рувать барысень? – раздалось сзади.

Однокашники встретили слова сэнсэя гулким хохотом. Я поморщилась: умеет японец унижить двоих одной фразой. Попова высмеял за то, что подтрунивал надо мной и отвлекал от боя, а меня, студентку третьего курса военной академии имени Александра Васильевича Колчака, при всех назвал «барышней».

Мастер Горо, что в переводе с японского означает пятый сын, появился в нашей академии не так давно, посредине учебного года. Мастер спорта по джиу-джитсу, или дзюдзюцу, он с самого начала прославился как непревзойденный боец и просто крутой преподаватель по восточным единоборствам. На факультатив к нему подавало заявок пол академии, и японец лично проводил кастинг желающих. Кастинг больше напоминал избивание младенцев.

Японец поставил условие: берет в свою группу тех, кто простоят против него семь секунд. Семь. Я простояла восемь и оказалась в числе счастливиц.

Помимо основных занятий по искусству рукопашного боя (которые на нашем третьем курсе поручили вести мастеру Горо), я, с самого Нового Года, исправно посещала факультатив. В конце почти каждой тренировки (если не было сильно покалеченных, а такое тоже случалось, и не сказать, чтобы редко) японец давал мастер-класс, или вот такой показательный спарринг, который я жестко продула.

А виной всему мерзавец Попов, который вчера бросил мою подругу, а сегодня имел наглость зубоскалить надо мной. Вся академия знает – ненавижу свое прозвище! Правда, к чести Попова надо признаться, это мало кого останавливает.

– Сэнсэй сегодня в ударе, – пробурчала под нос, потирая ушибленное плечо и прихрамывая.

Сзади раздался сдавленный стон Попова и я мстительно захихикала.

– Сейчас тебе мало не покажется, – вырвалось у меня.

Так, злорадствуя и прихрамывая, я прошла в раздевалку и закрыла за собой дверь.

Мягкое, пропитанное потом кимоно, с наслаждением стянула и завернула в пакет, чтобы по прибытию в общежитие сразу сунуть в стиралку. Волосы высвободила из тугого пучка, надела черную резинку на руку, и они тяжелой волной заструились по спине.

Из перевернувшегося рюкзака выпала мобилка, жалобно тренькнув. Подхватив телефон, который каким-то странным образом разблокировался, хотела засунуть его обратно в рюкзак, но увидев пухлощекую мордашку на заставке, не смогла не умилиться.

У братишки светлые кудри, обрамляют голову одуванчиком и очаровательные ямочки на щеках. Каким-то чудом он умудрился лишиться сразу всех верхних зубов, и щербатая улыбка придает Кирюшке какой-то особо озорной и умильный вид. Братику пять лет, он похож на щербатого ангелочка, а из-за копны кудряшек мы прозвали его Пушкиным.

С трудом оторвавшись от рожицы братика, выключила телефон и положила его обратно в рюкзак.

Замотавшись в полотенце, сунула ноги в шлепанцы и прошла в душ.

В лицо ударил горячий пар. Вместе со звуком падающей воды ухо уловило сдавленные стоны. покраснев, я замерла. Так и есть...

В одной из душевых кабинок двое. Я четко слышала ритмичные удары и дребезжание прозрачного пластика в такт.

Стоны прервались и раздалось хриплое:

– Возьми, возьми в ротик, детка, я уже почти.

Сдавленное хихиканье, а затем чья-то голая, скажем, спина проскользнула по двери кабинки вниз.

– Да, детка, да, о боги мои, да, ну у тебя и ротик, – донеслось сквозь гул воды и я залилась краской до ушей.

Все произошло так неожиданно, что я не успела сообразить, что делать.

Шагнув назад, я нащупала пальцами ручку и вцепилась в нее, как в спасательный круг. Вздрогнула, когда она повернулась прямо под моими пальцами и раздался звук защелкиваемого замка.

Я пискнуть не успела, как оказалась запертой в душевом отделении с парочкой, которая презрев все нормы морали и этики, а также строгий военный устав, предается плотским утехам.

Из душевой есть еще один выход: в бассейн. Но чтобы пройти туда, мне нужно миновать кабинку, которую облюбовал кто-то из студентов. Хоть они и поставили меня в откровенно идиотское положение своей возней, обнаруживать себя не хотелось. Ведь за нарушение устава ребята вылетят из академии, как на тренировке у мастера Горо, вздохнуть не успеют. Видимо, поздняя весна и последний экзамен, благополучно сданный вчера, вскружил кому-то голову...

Итак, обратно я идти не могу, некий доброжелатель закрыл дверь... И оставаться на месте тоже, парочка вот-вот покинет кабинку. Стоило двери скрипнуть, как я молнией метнулась в соседнюю и закрыла за собой дверцу.

– Кто здесь? – раздался испуганный женский голос, в котором узнала Соньку Усольцеву.

– Никого еще быть не должно, – ответил мужской голос. – Давай, детка, в раздевалку, пока у японца тренировка не закончилась.

– Тут закрыто!

Парень коротко выругался, но отчего-то показалось, что возмущение не очень искреннее.

– Детка, не зря сказал тебе захватить купальник, давай, быренько надевай и двигай через бассейн! Я сосчитаю до пятидесяти и следом за тобой, чтобы нас вместе не попалили.

Раздались звуки возни, шлепок. Глупо хихикнув напоследок, Сонька прошлепала к той двери, что ведет в бассейн.

Я выдохнула. Теперь дожидаться, когда таким же способом свалит обладатель низкого мелодичного голоса, и можно приступать к водным процедурам. А там, глядишь, и дверь в раздевалку, которую кто-то по ошибке защелкнул, откроют...

Стоило двери, что ведет в бассейн, хлопнуть, я затаила дыхание.

В обладателе голоса я узнала Славика Гадаева, дружка Попова. Точнее, это Попов дружок Гадаева, правильнее сказать, прихвостень.

Не далее, чем вчера я в очередной раз отвергла домогательства Гадаева. В грубой, даже очень грубой форме.

Потирая ушибленную челюсть, Гадаев пообещал, что, мол, скоро встретимся и поговорим иначе, на что я многообещающе рассмеялась и издевательски протянула, что если ему мало, могу повторить прямо сейчас, зачем же ждать новой встречи. Гадаев сузил глаза, гаденько ухмыляясь и сообщил, что есть блюда, которые принято подавать холодными. Я же сказала, что если он месть имеет ввиду, то могу обеспечить вывих челюсти, если приблизится еще на шаг, путь стынет дольше...

Но вчера Гадаев подловил меня в опустевшей аудитории после экзамена. Ввиду раскрытого окна и раскатистого дуба на уровне второго этажа, я чувствовала себя более уверенно, чем сейчас, когда оказалась запертой со своим врагом в душевой.

Надо отметить, что Гадаев и Усольцева идеально подобрали время для свидания: тренировки мастера Горо обычно сопровождаются аншлагом от начала и до конца. Я же ухромала пораньше, потому что у меня еще один факультатив, по стрельбе из лука...

Из размышлений вытянул звук шагов.

Затаила дыхание и взмолилась про себя, чтобы поскорей уже Гадаев отсчитывал и уматывал вслед за Усольцевой.

Дверца в кабинку с треском распахнулась.

– Ну что, недотрога Белоснежка, допрыгалась? А я предупреждал, что скоро увидимся и поговорим. Но уже на моих условиях.

Гадаев стоял абсолютно голый, играя мускулами на груди. Кубики пресса не успели высохнуть.

Я слотнула, когда из-за поворота вышли Попов с Ушловым. На лицах отвратительные ухмылки. Взгляды так и раздевают, то есть оставляют без полотенца...

Сердце ухнуло в пятки, когда поняла, что это с самого начала был их план... И подколки Попова во время тренировки, и дебильный смех Ушлова, и даже перепихон Гадаева с этой дурочкой Усольцевой в кабинке перед моим приходом...

Дело в том, что с этой троицей меня связывают не самые приятные воспоминания.

Этим девушки просто не отказывают.

Боятся.

А я отказала. На свою беду. Всем троим.

В грубой, очень грубой форме.

– Я всем расскажу, – стараясь, чтобы голос не дрожал, сказала я. – Вылетите отсюда, как сопли в платочек. И долетите до колонии строгого режима. Будете там любовничками.

К моему ужасу, троица переглянулась и нагло заржала.

– Не посмеешь. Ты ведь дорожишь своей репутацией, как и своей невинностью. Тебя ведь даже ни с кем целующейся не заметили! – нарочито растягивая слова, произнес Гадаев.

– За поцелуй Белоснежки стандартная такса – хук в челюсть, – отвратительно улыбаясь, сообщил Ушлов. При этом двухметровый громила потер вышеупомянутую челюсть, как будто не зажила за два месяца!

Гадаев же продолжал:

– А весть о том, что Белоснежка лишилась невинности в душевой...

– Что ее пустили по кругу, – поддакнул Попов.

– Не самое то, что нужно для военной репутации, детка, – окончил Гадаев. – Ну? Сама выйдешь? Или помочь? Смотри, нам спешить некуда. У твоего сэнсея сегодня аншлаг.

Я вжалась в стену и зажмурилась на миг.

Когда подавала документы в военную академию, мама впервые поговорила со мной, что называется, «об этом самом».

– Помни, дочка, – сказала она. – Нет одному – нет никому. А можно кому-то – можно всем. Но если вдруг, не дай небо, попадешь в беду, помни: под угрозой не только твоя честь и репутация. Под угрозой твоя истинная природа. Поэтому бейся насмерть. Чтобы если они окажутся сильнее – врагам досталось лишь твое бездыханное тело.

И я приготовилась биться.

– Попробуй, достань, – издевательски протянула я Гадаеву, группируясь.

Тот сам не сунулся, видимо, сказалась память о вчерашнем уроке. Попову скомандовал. Тот ринулся на меня.

В последний момент я подпрыгнула, и, оперевшись руками в стенки кабинки, ударила ногами, сразу в лицо и в живот.

Согнувшись, Попов отскочил и с трудом устоял на ногах.

А с меня соскочило полотенце. Лица у всех троих, даже у временно обезвреженного Попова, вытянулись.

На этот раз к душевой кабинке шагнули двое.

Я дралась, царапалась, кусалась, как дикая кошка, но громила Ушлов банально взял своим весом. Меня сначала придавили к стене, затем, скрутив руки, выволокли наружу и опустили на колени перед Гадаевым.

Сзади потянули за волосы, приподнимая голову.

– Ну же, детка, – протянул Гадаев. – Я первый. Ты знаешь, что делать.

Я рванулась, но держали крепко. При этом потянули назад за волосы, запрокидывая голову, отчего из горла вырвался хрип.

Попов, который стоит сбоку, размахнулся для удара.

– Не надо, – осадил дружка Гадаев, все так же отвратительно растягивая слова. – Белоснежка поняла, что проиграла. Она все сделает, как миленькая, правда?

– Не надо, – повторила я. – Я все сделаю. Только не бейте.

Я очень надеялась, что голос не выдаст ярости, что клокочущие нотки в нем примут за страх.

– Давай без глупостей, – сказал Гадаев и сделал знак Ушлову, чтобы отпустил волосы.

Голова мотнулась вперед, чуть не уткнувшись в пах Гадаева.

Я всхлипнула, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в моей капитуляции, а потом что есть силы ударила лбом.

Выругавшись, Гадаев согнулся, а Ушлов, видимо от неожиданности, выпустил руки. Это позволило мне перекатиться по полу, и, развернувшись, как пружина, ударить обеими ногами: Гадаева и Ушлова. Попова атаковала тут же, пока не успел опомниться.

Мир сузился до череды ударов, перекачиваний по гладкому кафелю, проклятий, увораживаний. Пока билась, понимала, что рано или поздно меня достанут. Вырвавшаяся наружу злость напополам с первобытным страхом позволяла уходить из-под ударов в последний момент, бить в болевые точки без промаха.

Но один удар я пропустила, и, охнув, отлетела к двери в душевую, к той, что ведет в женскую раздевалку, к той самой, что оказалась так не вовремя закрытой.

Дверь за моей спиной распахнулась. На пороге стоял мастер Горо.

Оглядев меня и трех студентов, условно мужского пола, двоих, растянувшихся на кафеле и одного на ногах, беглым взглядом, сэнсэй сказал:

– Брестясе, Таса-сан. Брестясе. А теперь, будьте добры, оставьте нас с господами студентами одних. Нам есть о чем побеседовать. На японском.

На лицах всех троих проступил ужас, а у меня, должно быть, от ударов, помутилось в голове, потому что вместо благодарности сэнсэю я ляпнула, поднимаясь:

– А нельзя преподать урок японского где-то в другом месте? Здесь женская душевая как-никак, и я помыться не успела. . .

Японец церемонно поклонился, словно не замечая моей обнаженной натуры.

– Конесьно, Тася-сан, васе само-об-радание делает вам тесть.

Обернувшись к трем бугаям он церемонно поклонился и им:

– Изворьте пройти через раздевалку дря барысень в тренировочный зал. Там и побеседуем.

По лицам троицы и тому, как быстро поспешили они выполнить приказ сэнсэя было понятно, что в их головы даже не придет мысль ослушаться.

Пропустив их перед собой, японец оглянулся и спросил меня таким тоном, как если бы мы беседовали на лужайке в лесу.

– Документы есе не приезжари?

– Что? – переспросила я, помотав головой, думая, что ослышалась.

– Знатит, не приезжари, – протянул японец, кивая словно своим мыслям. А потом загадочно добавил: – В Арьма-матер воспитывают настоящих драконов.

Я снова помотала головой, подозревая, что мне по ней ударили слишком сильно.

Невольно я проследовала за сэнсэем до двери, по-прежнему мотая головой, как щенок, который вылез из воды. И лишь в дверях замерла. На моих глазах дверь в тренировочный зал захлопнулась за мастером Горо и в тот же миг зал потряс громогласный вопль.

– Да ладно, – буркнула я. – Нет там ничего такого у Гадаева, отчего так вопить. . . Хотя оно, конечно, сама ситуация, с голым пятикурсником и двумя придурками в мокрых штанах. . .

Тут же возникла тишина, должно быть, мастер Горо поднял руку.

Раздался его спокойный голос.

– Эта троица напара на барысню, васу сокурсницу, прямо в месте уединения. С ними в спаринге студентка насей академии продерзарась сорок четыре секунды, в два раза дорьсе, тем сегодня со мной. Презьде тем сообщить о преступлении куда порозено, я бы хотел предоставить провинившихся вам, господа студенты, на товарисеський суд.

Я снова помотала головой и юркнула в душевую.

Когда горячие струи ударили в лицо, блаженно вздохнула.

– Надо поспешить, – пробормотала я себе под нос. – Девчонки скоро прибегут за подробностями, а я на стрельбу из лука опоздаю. Но о каких документах и о какой Альма-матер, где воспитывают настоящих драконов, говорил сэнсэй?

Глава 2

Тетива еще звенела над ухом, а стрела уже впиалась в центр мишени. Парень, что метил в соседнюю мишень, не спешил натягивать тетиву, наблюдая за моей стрельбой. Когда снова попала, одобрительно присвистнул.

Препоод, которого студиозусы прозвали Робин Гуд, похлопал по плечу, когда вешала на место лук и снимала защитные очки.

– Молоток, Саша, – сказал он. – Десять из десяти! Не скажу тебе, сколько выиграл, не этично это, со студентками о деньгах... противоестественно.

– А пари заключать со студентами можно? – возмутилась я.

– Не со студентками же, – сказал препода, подмигивая. – Ты прямо собралась как-то. Порадовала сегодня. Выспалась, что ли? Думал, в честь последнего экзамена, как приличная студентка, загуляешь.

Я пожала плечами, отлично понимая, что препода шутит. К неуставному поведению студентов Робин Гуд, как и остальные, относится, мягко говоря, жестко. Знал бы Андрей Сергеевич, что со мной час назад произошло... Сама удивляюсь, как рука не дрогнула. Но слухи о моем незыблемом спокойствии скоро разлетятся. Что на руку. Все-таки мастер Горо сделал максимум, чтобы защитить мою репутацию, но все же хорошо, что меня в таком благодушном состоянии многие сегодня видели. Потому как девица, побывавшая наедине с тремя амбалами в душевой, пусть и всего сорок четыре секунды, могла все же многое успеть в фантазиях окружающих.

Предстояло вернуться на территорию академии – этот корпус стоит обособленно, чтобы сюда ездить, мне выдали специальный пропуск. А иначе зачем нам с Ариэлькой посещать целых три лишних факультатива, в том числе и стрельбу из лука? Правда, на эту тренировку подруга не приехала. И я догадываюсь, почему...

Хлопнув дверью, я покинула корпус и устремилась к автобусной остановке.

Ветер взъерошил волосы. Хотела их убрать в привычный пучок, но резинки на руке не оказалось, хотя точно помню, что надевала ее на запястье.

– Потеряла, – пробормотала под нос. – Или порвалась, пока с этими дебилами сцепилась...

Женщина с маленькой собачкой с выпученными глазами неодобрительно покачала головой, сетуя то ли на мою привычку говорить вслух, то ли на поведение... А может и на медицинский термин, который принято считать ругательством. А ведь в том, что назвала дебилов дебилами точно нет моей вины. Характер у меня прямой, вещи называю своими именами.

Пожала плечами на недовольное лицо дамы и откинула волосы назад, поскольку ветер, похоже, вознамерился спрятать от меня приближение автобуса. Весна в этом году была поздняя, даже слишком, вот и лето припозднилось. Поверх водолазок народ натянул куртки, а некоторые еще и шарфами укутались.

Я перебежала улицу на последние мигания зеленого, потому что ненавижу ждать, перетаптываясь с ноги на ногу и скользнула взглядом по своему отражению в витрине.

Среднего роста хрупкая фигурка с чересчур, на мой взгляд, женственными формами. По случаю сдачи последнего экзамена на мне не форма, а «гражданка». Узкие джинсы, белые кроссы, из-под коротенькой курточки выглядывает зеленая водолазка. Тяжелые темно-каштановые потоки волос накрывают плечи.

Итак, зовут меня Александра, то есть так записано в паспорте, полным именем обращаются только преподавы на экзаменах, хотя и от них чаще слышу Саша или Таша. А за белую, как мрамор, кожу и темные волосы и вовсе со школы зовут Белоснежкой, что несказанно бесит.

Фамилия у меня более примечательная, чем имя. Кинриу, с ударением на последний слог. Сама не так давно узнала, что в переводе с японского это означает Золотой Дракон. Больше ничего японского во мне нет, кроме разве что страсти к восточным единоборствам и японской живописи.

Учусь я в военной академии имени Колчака, не далее как вчера с отличием закончила третий курс.

Не дойдя до остановки, я застыла, как вкопанная. Столб объявлений опоясывает яркая афиша с тремя драконами, причем в японском стиле. А я говорила, что в щенячьем восторге от таких росписей, и от дракончиков особенно...

Багровый, в языках пламени, напротив него белый, со сверкающей, словно ледяной чешуей, а между ними еще один: маленький, изящный, золотой... Красота какая! Красотища...

У меня даже рот от восхищения приоткрылся.

– Красиво? Я знал, что тебе понравится и ты обязательно задержишься, чтобы посмотреть.

Я вздрогнула, закрывая рот и обернулась.

И тут же открыла рот снова. Точнее, он сам открылся.

Отчего-то показалось, что мир покачнулся, а потом снова встал на место, и взгляд, на секунду расфокусированный, собрался в кучку.

Передо мной стоял парень в черной водолазке и джинсах. Грудные мышцы, кажется, вот-вот порвут тонкую ткань, что облепила торс парня, как вторая кожа. Даже кубики на прессе видны.

Сглотнув, я обругала про себя колени, которые почему-то ослабли и дыхание, которое сбилось, и подняла взгляд на лицо заговорившего со мной.

Светлая, чуть тронутая загаром кожа. Волосы, зачесанные назад и убранные в хвост такого бело-стального оттенка, словно парнишку обмакнули макушкой в сугроб. Глаза синие-синие, ледяные, словно сквозь толщу льда смотришь.

Найдя парня более, чем привлекательным, я стиснула зубы и снова выругалась про себя. Можно подумать, я в академии торсов не видела! Да учитывая представление, которое разыграли передо мной сегодня Гадаев и компания, меня от парней вообще мутить должно!

Но голос разума – голосом разума, а колени слабели, и дыхание прервалось, и весь мир словно померк, размазался в единое мутное пятно...

Четким был только он!

Высокий, широкоплечий, с белыми волосами и пронзительными синими глазами, с такой улыбкой, от которой просто голова закружилась...

Сделав над собой нечеловеческое усилие, я зажмурилась, чуть помотала головой, проклиная себя за глупость, тупость и какую-то исконно-бабскую дурость, от души надеясь, что когда открою глаза, наваждение исчезнет.

Но оно не исчезло, оно еще и произнесло бархатистым раскатистым голосом:

– Драконы. Мне кажется, хороши получились. Как живые.

Я снова потрясла головой, отчего улыбочка у незнакомца стала снисходительной. Как же, наверняка привык к такому вот проявлению немого восторга. Эта мысль отрезвила и позволила взять верх над взбесившимися гормонами.

– Первый раз вижу, чтобы уличные художники расхваливали свои писульки в голос, – процедила я. – Видать, дела не так хороши, как хотелось бы.

Я собиралась отвернуться, гордо задрать подбородок и уйти, но шея отчего-то не послушалась, а взгляд намертво прилип к лицу незнакомца.

Брови парня столкнулись у переносицы, улыбка исчезла, а глаза сузились.

Я понимала, что тарашусь, как порода презираемых мной клуш, но сделать с собой ничего не могла. Хотелось, чтобы он сказал что-то... неважно что. Главное, еще раз услышать

этот низкий, с хрипотцой голос, чуть-чуть подольше посмотреть на словно высеченное из мрамора лицо...

– И вовсе я не уличный художник, – процедил парень, сверкая глазами, отчего у меня внутри все запело. Ага! Зацепила! Знай наших!

– Я Ичиро Исами, первый сын предводителя клана Ледяных драконов и поверенный твоего отца, принцесса Кинриу. Я пришел за тобой.

– Псих, – вырвалось у меня. – Еще и фамилию где-то выведал. Ну, точно, псих. Не зря слышала, у вас какое-то чертовское обаяние... Тестостерон повышенный, ага. От лечения.

Эта догадка так воодушевила, что я облегченно выдохнула. Гормоны не согласились с доводом разума. Им было предательски все равно.

Парень нахмурился, словно не до конца понял мой тонкий намек на толстые обстоятельства.

– Ты находишь меня обаятельным? – подняв бровь, спросил он. – Это нормально. Это реакция на дракона. Так со всеми женщинами.

От такого прямого оскорбления у меня даже глаз задергался. Не оттого, что женщиной назвали, а оттого, что ко всем остальным причислили, кто вот так вот ведется на некоторых с обтянутыми торсами.

– Я нахожу тебя психом, – выдавила я, от души надеясь, что тон не умоляющий. – И придурком.

Взяв себя в руки и пообещав коленям, что если не послушаются, запишусь еще на две сессии к мастеру Горо, я прошла мимо, нарочито оттолкнув со своего пути нахала.

– Пройти дай, – буркнула под нос и постаралась незаметно потереть ладони, которые от соприкосновения с твердыми и горячими мускулами на груди беловолосого психа словно током прошибло. – Автобус из-за тебя пропусти.

Я успела в последний момент, впрыгнула в закрывающиеся на ходу двери. Все же не смогла удержаться и обернулась. Беловолосый парень остался на том же месте, замер, провозжая автобус задумчивым взглядом.

Общага гудела. Как-никак, сессия в разгаре. Отовсюду раздавались нервные переключкивания по обмену конспектами, кофе и шоколадом. Первокурсницы передвигались между этажами с вытаращенными глазами и почти все, как одна, в синяках после зачетов по практическим дисциплинам. Студентки постарше шествовали по коридорам солиднее, лишь круги под глазами и нахмуренные брови выдают волнение.

Запустив стиралку в хозяйственном блоке, я ввалилась в комнату. Все, о чем мечтала после столь насыщенного событиями дня – добраться до кровати и вытянуть ноги. И перехватить несколько бутербродов до ужина, аппетит разыгрался зверский.

С порога зашвырнула рюкзак на стул, сама направилась было к кровати у стены, когда услышала всхлипывания. В нашей с Иришкой комнате две кровати, и вот, подруга свернулась калачиком на своей и рыдает в голос. Чувство голода и усталость тут же забылись. Одним прыжком я пересекла комнату, а вторым запрыгнула на кровать к Ариэльке.

– Таша-а, – прорыдала Иришка, приподнимаясь и устрояясь головой на моих коленях. – Ташенька! Как хорошо, что ты пришла.

Я принялась гладить подругу по волосам, успокаивая, как маленькую, а внутри все сжималось. Иришка – светлый, солнечный человечек, несмотря на нацеленность на военную карьеру. Честный очень и наивный сверх меры... И вот за эти ее слезы я Попова просто ненавижу! А в том, что Иришка рыдает из-за этого козла, почему-то сомнений не было.

– Ты как? – со страхом в голосе спросила она. – Я когда узнала, что они... Что тебя... Я не поверила сразу, ну, что и Димасик... Что они на тебя напали...

– Напали, – сухо подтвердила я, в очередной раз умолчав, что до того, как приударить за Иришкой, ее ненаглядный Димасик пытался подкатывать ко мне. Да и во время... – Но отдача замучила.

Иришка подняла на меня заплаканное лицо.

– Правда? – спросила она, улыбаясь сквозь слезы. – Честно-честно? Они ничего не сделали? Не успели? Этот Гадаев такой урод... Я никогда не понимала, почему они дружат...

Подруга шумно высморкалась, а я не преминула заметить.

– Вот урод, урод и есть. А дружат, потому что недалеко друг от друга ушли.

Ариэльке нечего было возразить, и она разразилась новой порцией рыданий.

– Тебя искали, – прогундосила она. – В ректорат вызывали... такой скандал... Их ребята, прямо в зале, все вместе отделали. Говорят, сильно, я сама не видела... Просили мастера Горо не доводить до декана, но он же японец, у них закон на первом месте... Естественно, сообщил. Всех троих теперь отчислят... Так им и надо, сволочам! Мало им!

Иришка сердито шмыгнула носом.

– И Попову так и надо? – вырвалось у меня. В то, что безумно влюбленная подруга способна рассуждать трезво, не верилось.

– Ему в первую очередь! – прошипела Иришка и разрыдалась снова.

Я прижала вздрагивающую Ирку к себе.

– Так чего тогда ревешь, – пробурчала я, чувствуя, как у самой тоже в глазах щиплет.

Подруга даже рыдать перестала от удивления. Посмотрела на меня с открытым ртом. А потом всхлипнула и порывисто обняла.

– Вот ты даешь! – проговорила она. – У меня на подругу напали! Чуть не изнасиловали! Я-то знаю, что Белоснежка лучшая на курсе, но их-то трое было... Если бы не мастер Горо, Ташенька! Ведь они жизнь могли тебе сломать...

– Больше никому не сломают, – усмехнулась я. – Дураков учить надо.

– Дашь против них показания? – с надеждой спросила подруга. Почему-то показалось, что она одновременно ждет, что скажу да, и надеется, что скажу нет... Все-таки любовь, как известно, зла...

Я покачала головой.

– Нет. Думаю, мастер Горо с ребятами устроили им джем-сэйшн. Пускай остаются, уроды. Уверена, они теперь и на пушечный выстрел не подойдут. Ни ко мне, ни к какой другой девочке...

Я достала мобильник и охнула. Сто двадцать три пропущенных! Причем семьдесят с неопределившегося номера, остальные от мамы, Иришки и из деканата. Это я удачно звук отключила, с утра еще, перед тренировкой, а потом вообще забыла о телефоне.

– Так, – скомандовала я, отстраняя от себя подругу и вытирая ей щеки. – Хорош слезы лить! Мы вчера последний экзамен сдали, или где? Давай успокаивайся, сегодня идем в клуб. Оторвемся, Ириш, по полной! А я пока маме и в деканат перезвоню, скажу, мол, ложная тревога, все дела. Пусть живут, уроды.

***

Иришка высокая, худенькая, с золотисто-рыжими кудряшками и светло-голубыми глазами. Веснушки, которые подруга надеется когда-нибудь вывести окончательно, очень ей идут. Курносая, с ямочками на щеках, она похожа на героиню диснеевского мультфильма Русалочка, отсюда и прозвище. Для похода в клуб подруга выбрала платье с обтягивающим верхом и короткой, пышной юбкой, что как нельзя лучше подчеркнуло заоблачную длину ног.

Иришка поворачивалась к зеркалу то одним, то другим боком, не могла наглядеться на себя. Меняла туфли, взбивала облако волос пальцами, находила все новые изъяны в накладываемом два часа макияже.

Глядя на подругу, в очередной раз отметила, что я совсем другая. Волосы темные, прямые, тяжелые. Кожа белая, даже по сравнению с Иришкиной, у которой она от щедрой россыпи веснушек золотистая. Глаза у меня зеленые, скулы высокие, губы пухлые, такие принято называть чувственными, а лицо сердечком.

Для ночного randevу я выбрала зеленое платье с черным кружевом по подолу, такое короткое, что садиться в нем надо с осторожностью: того и глади, покажется кружевная полоска чулок, и туфли на умопомрачительной шпильке. Ввиду приближения летней сессии к завершению, половина общежития пустует, а половина скачет между этажами ночи напролет, так что нас не хватятся. А система «самоволок» у нас с Иришкой отлажена еще с прошлого года.

Зря мы что ли, дополнительно еще несколько факультативов посещаем в других корпусах? Теперь пластиковые пропуска для нас чуть не ценнее студенческих.

Отпихнув фыркнувшую Иришку от зеркала, принялась крутиться у него сама. Подвела зелеными тенями нижнее веко, нанесла блеск на губы, еще раз прошлась по ресницам кисточкой для туши.

Окинула себя оценивающим взглядом.

Вид получился сногшибательный и вызывающий до неприличия, самое то, что нужно, чтобы отметить успешное окончание сессии и вообще снять стресс.

– Ну что, Ариэлька? – поддразнила я подругу детским прозвищем. – Готова к заплыву? Может, сегодня тебе предстоит спасти прекрасного принца, который чисто для разнообразия будет немного прекраснее Попова?

Иришка фыркнула, наморщив носик и не осталась в долгу:

– А кто-то, может статься, окажется в компании семерых гномов? Ох, я тебе очень этого желаю, чтобы были они такие мм... мускулистые, с кубиками, каждого так и хочется покачать на коленях.

Я рассмеялась и погрозила подруге пальцем.

– Вот не надо лишний раз напоминать о росте. На таких каблуках добрая половина любого клуба – гномы.

– А ты кого хотела бы встретить? Эльфов? – улыбаясь, поинтересовалась подруга. – Таких милашечек анимэшных?

– Эльфы для меня слишком слащавы, – скривилась я. – На гомиков смахивают. Вот оборотни – другое дело.

– Фу, – настал черед Иришки скривиться. – Они же волосатые и блохастые!

– Ничего и не блохастые! – вырвалось у меня. – Как будто только какие-то псины бывают оборотнями...

– А кто еще? – продолжила подначивать подруга, когда мы покинули комнату и в тапочках, с туфлями в руках, тихонечко направились к черному входу. – Лисы кицунэ?

Я отмахнулась. Помимо воли, у меня вырвалось:

– Драконы... Оборотни бывают драконами...

– Ой-ей-ей, – заерничала Иришка, – у кого это так глазки заблестели и голос задрожал? Не иначе, как Белоснежечка кого-то конкретное имеет ввиду?

– Никого не имею, – приставив палец к губам, поскольку проходили мимо комендантской комнаты, шепнула я. – Так, встретился сегодня один псих, возомнивший себя драконом. Сбрэндивший ролевик, или пикапер нового уровня, о таких даже не слышала.

Вспоминая блондина, я старалась говорить раздраженно, что, к моему позору, выходило плохо. И кое-кто прекрасно это заметил.

– Мамочки мои, – пискнула Иришка, – чей это нежный румянец на щечках и поэтично подрагивающие реснички?

– Как будто ты в этой темени румянец разглядела, – огрызнулась я. – А что до трепета ресниц, эт я с тушью переусердствовала. Тяжело им, ресничкам, вот и дрожат...

– И как он? – промурлыкала подруга. – Хорош? Как эти силиконовые андроиды на сайте? Помнишь? Ом-ном-ном...

– Лучше, – хмыкнула я.

Мы поочередно приставили карточки к темной панели на стене, и когда красный огонек сменился зеленым, прошмыгнули на улицу.

Иришка была настроена и дальше расспрашивать о том, кого я посчитала лучше андроида с некоего неприличного сайта, но я потерла плечи и пообещала, что замерзну насмерть, если она не уймет свое любопытство.

Ариэлька хмыкнула и коварно пообещала продолжить, потому как внутренне она не сдастся.

Быстро переобувшись, мы спрятали мягкие тапочки между подъездом и железной будкой с нескромной надписью: «Посторонним вход воспрещен» (это мы-то посторонние?), и, пока нас не засекли, споренько рванули к стоянке такси.

Несмотря на мои заверения в непременной простуде, ночь обещала быть наконец-то полетному знойной.

Глава 3

Сообщив таксисту название любимого клуба, мы с Ариэлькой хихикали на заднем сиденье, предвкушая бурную ночь, со сбитыми каблуками, шотами, коктейлями и повышенным вниманием мужской части клуба, которой сегодня угораздит попасться на нашем пути, когда я резко скомандовала:

– Стойте!

Таксист вздрогнул, но послушно ударил по тормозам и машина, недовольно фыркнув, замела.

– Ты чего? Таша? – взволнованно спросила Иришка.

Я же намертво прилипла к стеклу.

– Это, – прошептала я, как зачарованная. – Это че?!

Ариэлька проследила мой взгляд.

По тому как подруга засопела и дрогнула, уставившись поверх моего плеча, поняла, то Иришка пожала плечами.

– Клуб какой-то новый открылся.

Я оглянулась вполоборота, а Иришка подняла взгляд к ало-золотой арке метров за двадцать до входа и прочитала медленно:

– Врата дракона.

Я сглотнула.

Что-то сжалось внутри, от произнесенных слов, будто я до последнего надеялась, что мне мерещится. В голове тревожно вспыхнуло, а сердце, наоборот, сладко зануло. Под загадочный золотой свод поманило, потянуло, поволокло, отчего-то послышались удары гонга и странные звуки, похожие на рев труб, и вместе с тем ноги словно налились свинцом, а подступившая паника посоветовала бежать отсюда без оглядки.

– А вы не видели, девчонки? Еще в воскресенье прошлое открылись они, – сказал таксист, разворачиваясь к нам вполоборота. – Народу тут было – уйма, да и сейчас вон, видите, очередюка какая... Говорят, фешенебельное местечко... Так что, в Русалочью Лагуну едем, или как?

– Не-а, – вырвалось у меня, и звук собственного голоса показался каким-то затянутым, словно раздавался со стороны. – М-мы... Мы здесь выйдем...

– Ага, выйдем, – взволнованно подтвердила Ариэлька. – Сколько мы вам должны?

Выбравшись из машины, я зачарованно уставилась на огромную красную арку, всю в золотых иероглифах, узорах и лепнине. По краям арки застыло два странных существа: и львы – не львы, и драконы не драконы. Мордочки львиные, языки, что выглядывают из пастей, меж длинных клыков – змеиные. Отчего-то показалось, что золотые статуи теплые, почти живые.

Не понимая, что делаю, подошла ближе и провела пальцами по металлу.

В тот же миг возникло ощущение *déjà vu* – по пальцам словно пустили электрический разряд. Я покачнулась, и подоспевшая Ирка подхватила под локоть.

– Ташечка, – испуганно проговорила она. – С тобой все в порядке?

– В полном, – соврала я и уже смелее погладила спинку золотого существа. Могу поклясться, под моим прикосновением оно дрогнуло и чуть выгнулось! Как самая обычная кошка!

Я охнула и часто заморгала.

– Сашунь, – позвала Иришка. – Ты уверена?

Я перевела взгляд с непроницаемой золотой морды на испуганное Ариэлькино лицо и улыбнулась несколько ошалело.

– Классные, правда?! – спросила я.

Иришка озабоченно нахмурила лоб.

– Ташечка, я, конечно, знаю, что все эти восточные штуки – твоя слабость, но что-то мне кажется, что сегодняшняя вылазка – ошибка. Давай вернемся, а? – с надеждой спросила она. – Мне кажется, у тебя запоздалая реакция на утренний... стресс... И лучше принять чего-нибудь успокоительного и поспать... Выспаться тебе нужно хорошенько, вот что!

– Вернуться? – переспросила я. – Да ни в жизнь! А что касается успокоительного, сейчас примем!

Иришка вздохнула.

– Так пойдем тогда в очередь, – обреченно сказала она.

Я захлопала густо накрашенными ресницами.

– В какую очередь?

– Да вон же, – показала подруга. – Не только мы тут такие... желающие.

Я проследила взглядом и ахнула. Это прямо под эту самую арку идти, ко входу, где и правда, столпились люди. Такие нечеткие какие-то все, серенькие, словно смазанные, а арка красная! С золотом! И распахнутая пасть двери тоже красная!

Словно зачарованная, я позволила нарочито вздыхающей Ариэльке увлечь меня под свод алой с золотым арке.

Сердце ухало, прыгая в пятки и выпрыгивая обратно. В ушах шумело. В висках стучало. Что-то подсказывало, еще шаг, и отступить будет поздно...

– Куда поздно? – вслух спросила я.

– А? Что? – забеспокоилась Иришка, но я отмахнулась, вытаращившись на ворота, и подруга снова деланно вздохнула.

Покачнувшись на умопомрачительных каблуках, я послушно последовала за Ариэлькой и мы заняли место в конце очереди.

Как только что арка, теперь моим вниманием завладели ворота. Просто потому, что выполнены они были в виде пасти дракона!

Такого огромного! Ало-золотого, как арка! С горящими глазами и клыками размером с саблю! А вход завешен красной тяжелой тканью, и каждый раз, когда очередная парочка минует секьюрити и заходит внутрь, ощущение, что дракон облизывается красным языком!

Ариэлька осознала бесполезность попыток растормошить меня и отстала.

Зато к нам приблизился невысокий азиатского вида парень и со знакомым акцентом произнес:

– Приветствуем во «Вратах дракона», дамы. Видзу, вам понравирись рьвы-хранители и вызваро интерес внеснее оформрение?

Говорил парень, переводя внимательный взгляд с одной на другую, но обращался, я готова была поклясться, ко мне. Кто, как ненормальная прилип сначала к одному из золотых львов, а теперь пускает слюни, зачарованно глядя на вход?

– Невероятно понравились, – церемонно сложив ладони у груди, как когда приветствовала мастера Горо, призналась я. Иришка машинально повторила мой жест.

Японец улыбнулся и церемонно поклонился нам обеим, поочередно. Мы в свою очередь также ответили поклонами.

– Вы тозе отинь понравирись хранитерям, барысьни. Просу средовать за мной, – сделал приглашающий жест японец. – Дядя будет рад встретить истинных ценителей.

Мы с Иришкой переглянулись, хлопая ресницами, и последовали за пригласившим мимо остальной очереди.

– Какой еще дядя? – прошептала Ариэлька, пхнув меня в бок.

– Его дядя, говорит, – шепнула я, отвечая подруге тычком. – Рад нам будет!

– Я не глухая! – фыркнула Иришка, а я пожала плечами.

Очередь, особенно та, что мужского пола, а также те, кто встречались в холле и широком коридоре, провожали нас жадными взглядами.

Я хихикнула, представив, как мы выйдем со стороны, шествуя, покачиваясь на умопомрачительных шпильках, за японцем в традиционном костюме. Рыженькая и брюнетка, в коротеньких платьицах, с распущенными по плечам волосами, с маленькими сумочками-ридикюльчиками. Вид у обеих, что называется, до неприличия шикарный.

Надо сказать, я с детства привыкла к не вполне адекватной реакции на себя представителей мужского полу, как и Иришка, с которой дружим со школы. Даже в мешковато-рваных джинсах и с пучками на макушках, где бы мы ни появились, производим фурор, а уж когда намеренно решим подразнить народ, как сейчас... Ариэлька шутит, что мы в военную академию документы подали, чтобы научиться приемам самообороны, которые нам ой как необходимы. Я снисходительно с ней соглашаюсь, хотя учитывая реакцию на себя парней, мне этим приемы пришлось освоить еще со средней школы.

– Позаруйте сюда, дамы, – вывел из размышлений японец. Он показал на затененный столик в самом углу. – Думаю, вы не против оказать нашему заведению тесть и поприветствовать дядю рично.

Сглотнув и с трудом оторвав взгляд от росписи на стенах, я проследила направление, в котором показывал провожающий и вздрогнула.

Мы с Иришкой обе вздрогнули и испуганно переглянулись.

Из-за столика, приветствуя нас, поднялся мастер Горо.

***

– Сэнсэй, – пискнула Иришка. – А мы в самоволке.

– А то не вижу, – огрызнулась я, лучезарно улыбаясь сэнсэю.

Тот издали сделал приглашающий жест присесть за его столик.

– Нам же торько завтра домой модзно, – забормотала Ариэлька, от паники, видимо, копируя манеру говорить сэнсэя.

– Да ладно тебе, – чувствуя холодок по спине и волнами подступающую панику, ответила я подруге. – Не портим компот. Он, вон, злым не выглядит.

Мы шли мимо танцующих и снующих туда-сюда официантов, причем с миром опять что-то случилось, он утратил четкость и даже как будто замедлился. Четкими были только мы, люминесцентные драконы по стенам, да мастер Горо, ожидающий нас у дальнего столика.

– Улыбается, – пробормотала Иришка, спотыкаясь.

Я подхватила подругу под локоть и сама с размаху впечаталась в амбала с выбритыми висками, тонкой косой и в татуировках. Вместо того, чтобы выказывать возмущение, амбал кивнул, словно знакомой, и, к моему вящему недоумению, посторонился.

– Конечно, улыбается, – ответила я подруге, имея ввиду мастера Горо. – Он же японец, им положено улыбаться по поводу и без.

– Когда нас на тренировках мочит, как котят, тоже улыбается, – некстати вспомнила Ирка. – А сегодня во время товарищеского суда, говорят, сиял.

– Не нравится мне это, – пробормотала я, и судя по моське Ариэльки, подруга со мной согласна, что называется, на все сто.

Тем временем мы прошли танцпол насквозь, и, как бы нам ни хотелось это отсрочить, подошли к столику, у которого ждет мастер Горо.

– Какая приятная неозиданосць, – широко улыбаясь, отчего я еще больше похолодела, а у Ирки начал дергаться глаз, проговорил сэнсэй. – Таса-сан, Ирина-сан, рад приветствовать вас в сваем крубе.

Мы с Ирккой переглянулись. Это что же, его клуб?! А зачем ему тогда наша академия... А как же...

Следуя приглашающему жесту сэнсэя, мы с Ирккой быстро присели за столик. Японец продолжил.

– С Витарием Бради-ре-но-вицем мы уже познакомились, Таса-сан, вам привет. И вам тодзе, конесью, Ирина-сан.

Тут и у меня глаз дернулся. Он что же, с отчимом моим знаком? Это мне нравится... Мой отчим, Виталий Владиленович, владелец нескольких крупных клубов и сети ресторанов быстрого питания, хм... правильной сказать, предприниматель. Скажем, предпринимателем он стал в лихие девяностые, когда выживали только сильнейшие, и вот, знаете, выжил и еще как...

Нет, я никогда не упрекала мамочку из-за папы, я его и не видела никогда, а Кирюха и вовсе – моя слабость и моя отрада, да и Виталий Владиленович мужик четкий и правильный. Я перед ним всегда робела, в этом смысле он один из немногих. В последних классах школы мама как-то унюхала от меня запах табака, как мы с Иришкой не наминали орбита, не помогло. Так вот, когда мама рассказала отчиму, тот заперся со мной на кухне, бросил на стол пачку тонких сигарет и приказал:

– Кури.

Сам уселся напротив и тоже закурил.

Я дрожащими пальчиками выудила одну, и принялась нервно чиркать зажигалкой, которая отчего-то решила сломаться. Отчим выбросил вперед руку, помогая прикурить, и пока курила, смотрел пристально, не отрывая взгляд. Когда затушила окурок, спросил:

– Нравится?

Я испуганно помотала головой.

Отчим кивнул, показалось даже, что не мне, а своим мыслям, а я больше ни разу не прирагивалась к табаку. Не знаю, что произошло тогда, но каждый раз, как предлагали, вспоминала пристальный взгляд отчима, который за все годы их с мамой брака ни разу даже голоса не повысил, и вот не хотелось.

Виталий Владиленович, – все время хотелось его назвать «папой», но вот эта самая робость напололам с немым обожанием отчего-то не позволяла, – он и предложил военную карьеру, видя, что с моим темпераментом иначе не сладить. Он всегда выгораживал перед мамой, когда приходила домой с ободранными коленями и в синяках, даже как-то помогал скрыть следы «преступления» – лично смазывал ссадины йодом и бинтовал руки после падения на арматуру на стройке...

Словом, отчим у меня очень непростой человек, и отношение к нему неоднозначное, и вот мастер Горо сказал, что они познакомились, а у меня сердце в пятки. Неужели сэнсэй Виталию Владиленовичу рассказал о случившемся утром в душевой академии? Тогда Гадаеву и компании прям очень-очень желательно самим бежать сдаваться в руки родной полиции. И лучше, если со всех ног.

Из калейдоскопа мыслей вывел Иришкин извиняющийся тон:

– А мы вот тут... немножко... зайти решили... посмотреть просто. Вот.

Мастер Горо улыбнулся, кивнул. Затем подозвал официанта, и через минуту, как по волшебству, наш столик оброс блюдами – от салата до горячего, как традиционной японской кухни, так и привычной нам с Иришкой, европейской.

– Есте, – сказал сэнсэй и это его «ешьте» как-то больше на приказ было похоже.

Мы с Иришкой переглянулись и приступили. И не сказать, чтобы мы привыкли уничтожать вкусоности в масштабах, близким к промышленным, просто в процессе как-то вспомнилось, что весь день голодная, так по-человечески поесть и не пришлось.

Когда с едой было покончено, у нас спросили, что будем пить, и язык не повернулся назвать алкогольный коктейль, поэтому я выбрала «Пеликан», с клубникой, лимоном и бананом, а Иришка «Ягодный милкшейк».

Когда в неловком молчании и коктейли выдули, мастер Горо сдержанно поклонился, и заверив, что у него «дера», а мы можем быть его гостями и отдохнуть после «цязкого дня, как средует», нас покинул. А у нас с Иришкой от сердца отлегло и, стоило сэнсэю нас покинуть, как заказали еще по одному коктейлю, на этот раз с запредельным содержанием алкоголя.

***

Ариэлька с самым блаженным выражением лица царила на танцполе, казалось, не замечая целой толпы восторженных поклонников, бросающих на хрупкую фигурку под рыжим облаком волос жадные взгляды, и уж точно не замечала завистливых взглядов менее удачных соперниц. Претерпев несколько неудачных попыток, вытащить под свет софитов и меня, она вся отдалась танцу, прикрыв глаза и наслаждаясь безраздельной женской властью.

Я допивала третий коктейль и уже подумывала о том, чтобы помножить наше с Ариэлькой нежное обаяние надвое, в связи с чем нашла ножками туфельки под столом и скользнула в них, когда над ухом раздалось:

– Скучаем?

Низкий, с хрипотцой голос, мелодичный, словно обволакивающий, вызвал стойкое *déjà vu*. Показалось, что вот сейчас я подниму взгляд, а там... некто блондинистый... И вместе с тем что-то внутри обиженно сжалось, как будто обманули.

Я обернулась вполоборота и захлопала ресницами от удивления.

У столика застыл высокий брюнет с широким разворотом плеч, узкой талией и не менее узкими бедрами, и выразительной мускулатурой. Белая, что особенно бросается в глаза в неоновом свете майка облепила каждый кубик на торсе, широкий кожаный ремень дерзко блестит крупной металлической бляхой.

Брюнет белозубо улыбнулся, явно довольный произведенным эффектом, что позволило сменить удивление, написанное на моем лице на маску ледяного пренебрежения.

– Это я с тобой заскучаю, мужик, – сквозь зубы процедила я и потянула коктейль из трубочки. – А сейчас я релаксирую. Так что будь любезен, не заслоняй танцпол.

Послала брюнету одну из самых обворожительных улыбок, которые мы с Ариэлькой перед зеркалом и камерой-себяшечкой репетировали и добавила уже другим тоном:

– Отвали.

Парень нахмурился, словно меньше всего ожидал такую реакцию на его внешнее, чего уж там, великолепиие, а мне в нем снова что-то знакомое показалось. Как сразу в голосе.

Высокий, красивый до умопомрачения, сильный... и глаза при этом умные. Термоядерное сочетание!

Чтобы гормоны меня второй раз за день не подвели, я деланно плечиками повела, волосы назад откинула и как бы сквозь него посмотрела, мол, нужен он тут больно.

И вместе с тем не могла не чувствовать, какая силища от него исходит (всегда в мужчинах в первую очередь это чую) ... напополам с недоумением и раздражением.

Чувство вредительства, которое у нас с Ариэлькой в крови, внутри обрадованно потерло потные ладошки, от души радуясь, что довели мужика.

Парень же, несмотря на явное хамство с моей стороны и не подумал сдаваться.

– Ты неправильно меня поняла, – сказал он, сверкнув черными, как ночь глазами, в окружении таких шикарных ресниц, что даже обидно. Ну куда парням такое богатство?

– Мужик, – лениво процедила я. – Я тебя знать не знаю, и уже какие-то предьявы?

– Ну так давай это исправим, – нагло улыбаясь, не растерялся он. И пообещал так змиеискусительно: – Тебе понравится.

От звука его голоса по коже строем побежали мурашки, а я пообещала гормонам, что если не прекратят издевательство, залью их бромом, как огнетушителем. И дело с концом.

– Ну так желания исправить это нет никакого, – с не менее наглой улыбкой сообщила я парню. – Так что сделай милость, исчезни с глаз.

На щеках парня заходили желваки, отчего самооценка возликовала, взлетев так, что будь она материальной, пробила бы потолок клуба. Самый верхний этаж.

– Ты не так поняла меня, принцесса Кинриу, – зло проговорил парень, и, пока я хлопала ресницами, закончил фразой, которую уже сегодня слышала: – Я – поверенный твоего отца и я пришел за тобой!

– У вас что, сегодня, в психушке день открытых дверей, что ли, – пробормотала я, поднимаясь. – Вон пошел от меня! Неужели непонятно? Еще раз подойдешь, охрану позову.

Старательно обогнув парня, который с недоумевающим видом сложил на груди руки, во избежание, так сказать, я устремилась к Ариэльке, царившей на танцполе.

Оказывается, мою перепалку с красавчиком-брюнетом Ариэлька, несмотря на томный взгляд из-под полуопущенных ресниц, прекрасно наблюдала, поэтому стоило мне приблизиться и, сделав прогиб из серии стриптиз-пластики, отдаться мелодии, восторженно прошептала на ухо:

– М-м-м... Какой!

Я восторга подруги не разделяла, по-крайней мере, желала этого изо всех сил. И вот ввиду невыполнимости желания, злилась так, как злюсь вообще редко.

– Какой-какой, – пробурчала я. – Самый обычный!

– Ага, обычный, как же, – протянула подруга сладким голосом. – Да ты что? Он же сошел с обложки какого-то невероятно пафосного журнала, причем не для смертных, а для небожителей... Ты видела его глаза? Торс? Плечи? М-мускулы... Ах, я тут просто извелась вся от любопытства...

– Было бы из-за чего, – буркнула я. – Обычный псих. Нет, реально, псих! Назвал меня принцессой...

– Да уж, – деланно посетовала Ариэлька. – Да он просто маньяк!

– Да подожди ты! – перебила я. – Он фамилию откуда-то узнал...

– О! – восторженно воскликнула Иришка. – Так это не залетный какой-то, желающий обзавестись девочкой на ночь, а самый настоящий поклонник! Как романтично!

– Второй за сегодня, – призналась я, и, и без того немаленькие глаза Ариэльки заняли пол лица.

– Мамочки! Вот повезло-то! А зачем тебе два, правда, если у тебя подруга есть... Я на любого согласна, не глядя, если тот второй, такой же, как этот...

– Такой же, – хмыкнула я. – Только блондин. И мне, знаешь, это все каким-то подозрительным кажется...

Ариэлька не успела ничего ответить, потому что рядом раздался знакомый голос.

– Вот она где, козочка наша, Белоснежка, благодетельница. Позволь же поблагодарить за то, что от ректората да от ментов отмазала да по наставлению твоего сэнсэя принести самые искренние извинения!

Возле нас стоял Гадаев, а за плечами пятикурсника ожидаемо обретались Попов с Ушловым. Рожи у троих – непонятно, как секьюрити пропустили. Впрочем, если они на мастера Горо нарвались, могу предположить, что сам их к нам отправил, чтобы извинились.

Тон Гадаева не обещал ничего хорошего, его налитые кровью глаза – тем более.

Глава 4

– Позволяю, – буркнула я. – Так что благодарите и проваливайтесь. Ног целовать не стоит, брезгую.

– Да что ты о себе возомнила, шлюха?! – вскипел Попов, порываясь подойти ближе, но был остановлен мощной, хоть и перевязанной рукой Гадаева.

Я мельком бросила взгляд на Иришку: на лице подружки застыло брезгливое выражение, словно на гадкое насекомое наступила. Я порадовалась про себя, наконец-то Ариэлька истинное лицо «Димасика» узрела. Ради такого не жалко и оскорбление вынести. Хотя это я погорячилась. Разговаривать с собой в таком тоне никому не позволю.

– А тебе, утырок, лучше язык в одном месте держать. Да не у Гадаева, как привык, а поближе, для разнообразия, – мило посоветовала Попову.

Гадаеву пришлось гаркнуть на Попова, чтобы удержать того на месте.

– Ну что ты, Димон, – старательно растягивая губы в улыбке, процедил он. – Нам мастер Горо что сказал? Правильно, перед Белоснежкой-сан извиниться. Мы, как законопослушные граждане и студенты лучшей военной академии страны, извинились? Извинились. Свидетелей выше крыши.

Прежде чем развернуться и уйти, Гадаев отвесил издевательский поклон и процедил:

– В следующий раз я не буду таким добреньким, Белоснежка. Ответишь сполна. Так, что мало не покажется. И ребята мне с удовольствием помогут. Помогут ведь?

– Поможем, – разомкнув разбитые губы, пообещал молчавший до этого Ушлов.

– С удовольствием, – прорычал Попов, и, подмигнув напоследок Ариэльке, развернулся и пошел за друзьями.

Подбородок подружки мелко задрожал.

– Мамочки мои, – пробормотала она. – Ну как я раньше не замечала-то...

Я приобняла подругу за плечи.

– Спокойно, Ариэлька, для начала нам надо еще по коктейльчику, для продолжения еще по одному, и еще... А потом, для разнообразия, потанцуем и сведем всех с ума.

По два коктейля выпить мы успели. И даже потанцевать. Хотя не покидало ощущение, что с меня не сводят взгляда.

Иришка, раскрасневшаяся от танцев и успевшая благополучно запомнить о подонке-Попове, не давала забыть о «некоем таинственном воздыхателе», который «глаз не сводил» все это время. Правда, подойти больше не подходил. Может, план какой новый пикаперский разрабатывал, может, выжидал. Подумать, что этот тип сдался, мне его взгляд, который, казалось, вот-вот дыру протрет, не позволял.

Но когда ощущение того, что на меня смотрят, усилилось, мурашки по коже прямо строем пошли и на танках поехали, а колени подогнулись от слабости, так, что Иришке придержать меня пришлось за локоть, я поняла: все. Довел. Сейчас пойду и все ему, брюнетистому пикаперу, выскажу. Так, что мало не покажется. А лучше охране. У нас тут вообще, японец знакомый, то ли администратор, то ли директор... Впрочем ни того, кто нас провел, ни мастера Горо я в зале не наблюдала. Но взгляд этого брюнетистого реально достал. Это неприлично, в конце концов. Я положила руку на грудь, чтобы унять сердцебиение, которое застрочило с тройной скоростью и гневно обернулась на то место, откуда в последний раз смотрел наглый брюнет.

И чуть не застонала от досады. Потому что брюнет на месте был... но даже и не думал смотреть на меня! Вместо этого нервно оглядывался. Нет, со стороны не скажешь, что нервно, но зря я что ли, военную психологию три года зубрила?

Пользуясь тем, что парень на меня не смотрит, я уставилась на него во все глаза.

Что-то было в его облике такое... тревожное. Не такое тревожное, как когда на Гадаева и К смотришь, нет, другое. Словно что-то знакомое, как будто давно забытое, но такое, что вспоминать ни в коем случае нельзя. Потому, что тогда... А что тогда, непонятно.

Наконец, брюнет перестал искать кого-то или что-то взглядом, замер. Лицо его при этом стало такое напряженное, на щеках желваки играют, брови у переносицы столкнулись. Я даже шею вытянула, чтобы тоже посмотреть, что же там такое. И тут же втянула ее обратно.

Потому что у входа в зал застыл давешний блондин. Руки на груди сложил и всматривается в танцующих. Затем тоже брюнета увидел и лицо такое злое стало! И прямо к нему направился, хотя я готова была поспорить, до этого... не брюнета этого глазами искал.

Я дернула за руку Ариэльку, вынуждая ту захлопнуть рот. Она все это время тоже по сторонам глазела, и вот за что люблю подругу, так это за сообразительность.

– Это он, да? – с придыханием спросила она, кивая в сторону блондина. – Тот самый, который днем, да? Ты о нем говорила?

– Да, день был богатым на приключения, – пробормотала я, стиснув зубы, увлекая подругу к барной стойке. – И, пожалуй, ты права, пора ему уже заканчиваться! Го в общагу.

– Да ты что! – возопила Ирка. – На самом интересном месте! Если они оба твои поклонники, это ж как интересно, что будут делать, когда каждый из них соперника увидит... О, а, они, кажется, знакомы.

Бегло обернувшись, я увидела, что парни устремились навстречу друг другу, причем глаза и у того, и у второго недобро так сверкают. Когда мы приблизились, наконец, к барной стойке, парни встретились.

– Выведите нас, – попросила я бармена и жалобно добавила: – Пожалуйста.

Тот пожал плечами, и не спрашивая ни о чем, махнул головой за прилавок.

Уходя к черному ходу, я чувствовала, что сердце колотится, как сумасшедшее. Во рту то и дело пересыхает, а ощущение приближающейся тревоги подкатывает все ближе. Я сама не понимала, что со мной. Зачем стартанула из-за этих двоих? Почему вдруг так необходимым показалось оказаться в общаге? Почему так упорно избегала встречи сразу с двумя парнями, которые отличались от всех, кого знала, как день от ночи... Должно быть, Ариэлька была права. Сказалась нервная нагрузка за день. Сказалась сессия, которая хоть и была сдана успешно, все равно оставалась сессией. С бессонными ночами, пачками кофе, шоколадом в промышленных масштабах и синяками, полученными во время сдачи практических дисциплин...

Ариэлька больше не спрашивала, почему решила ретироваться, просто шла за мной, и все, изредка поглядывая с беспокойством.

Наконец, бармен набрал на панели код, выпуская нас через черный вход. Дверь коротко гуднула и открылась.

Поблагодарив парнишку, мы выскочили под покров ночи.

В лицо ударило свежестью, и свежесть эта немного притушила накатывающую тревогу. Я думала только о том, что вот сейчас выйдем через арку в каких-нибудь двухстах шагах на проспект, там поймем такси, и только нас и видели... А завтра сессия заканчивается, с утра домой поеду, а там умотаю куда-нибудь, хоть куда... К бабушке, за тысячу километров, где ни странно осведомленных воздыхателей с одним и тем же подкатом, ни Гадаева и компании с их дешевыми понтами. Или с Ариэлькой и ее родителями на Гоа... Неважно. Главное, подальше.

– Добегались, козочки, – раздался из темноты знакомый голос.

На этот раз Гадаев подготовился. С ним были не только Попов с Ушловым... Их было человек десять.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: тут у нас с Ариэлькой без шансов. Банально количеством возьмут и массой задавят. Но это не значит, что мы руки опустили и стали ждать, пока эти приблизятся. Развернувшись, спина к спине встали, туфли скинули. Я на подругу покоси-

лась: Ариэлька быстро нагнулась, подняла одну туфельку и выразительно на Попова посмотрела, прямо в подбитый глаз, так, что «Димасик» сглотнул.

– Гадаев, – процедила я. – Шел бы, куда шел. Нафига тебе это? Итак по волоску ходишь.

– А ты сэнсэя своего, сэнсэя позови, – ухмыляясь, посоветовал Гадаев.

Когда от ненависти в его глазах стало не по себе, добавил:

– Еще ни одна баба надо мной верх не взяла. И ты, Белоснежка, первой не будешь. Не дайте им убежать, ребята.

– Еще не хватало, бежать от вас, – фыркнула я, принимая боевую стойку.

Нас окружили, но по лицам видно – всерьез не воспринимают.

– Бьем влево, – шепнула я подруге. – Прорвемся.

Ариэлька понимающе кивнула.

И тут прозвучало:

– Воин не дерется с женщиной. Это позор.

Что-то подсказало, что этот голос узнала бы из тысячи. Что там тысячи, из миллиона. Низкий, бархатистый и при этом мелодичный... Как будто даже знакомый, только где я такие могла слышать? Во сне если только...

Рядом с блондином стоял брюнет. И вот, хоть численное преимущество было на стороне Гадаева, отчего-то подумалось, что мало им сейчас не покажется. Я даже посочувствовать успела, потому что второй раз за день их бить будут. Даже третий. Потому что я, если что, тоже считаюсь.

Гадаев с дружками угрозу всерьез не восприняли. Да, у ребят подошедших мускулатура не такая уж внушительная, но выразительная!.. И силой от них за версту веет. Я чувствую.

Но кто-то из дружков Гадаева выкрикнул обидное пожелание этим двоим, а остальные услужливо загоготали.

И это было ошибкой.

Потому что в следующую секунду начался бой!

С открытым ртом я наблюдала за мельканием рук, ног, прыжками, перекатываниями по земле, подсечками, ударами, снова прыжками... Такими высокими, словно эти двое обладали способностью летать!

Раздавались удары, хрипы, стоны, отвратительный хруст...

Брюнет с блондином двигались так быстро, что глаз еле-еле успевал отслеживать их перемещения, словно парни каким-то образом умели пронзать пространство, как в фильмах о сверхспособностях. Их выпады, удары, подсечки и буквально взлеты над головами напоминали какой-то волшебный боевой танец!

Несколько раз встряхнув меня, застывшую, аки соляной столб, Ирка увлекла в арку, а оттуда к дороге, где сразу тормознула такси.

Шмыгнув вслед за мной в машину, Ариэлька сообщила адрес общаги и сердито хлопнула дверью.

– Ты чего застыла? – спросила она сурово. – Нам так повезло, можно сказать, несказанно, а ты глазами хлопаешь...

– Ты видела, как они дрались? – вырвалось у меня. – Никогда такого не видела... Они... Они... Спорим, они бы и сэнсэя уделали... У них скорость на грани фантастики... И меткость ударов, а техника... Что это за борьба?

Ариэлька фыркнула и пожала плечами. Отчего-то казалось, что ей хочется покрутить пальцем у виска.

– Хорошо, что завтра каникулы, – сказала она.

Глава 5

Утро обозначило свое появление солнечным лучом, что гулял по моим векам, заставлял недовольно жмуриться и тереть глаза, а также голосом подруги:

– Та-аш... Ташечка, ты весь день спать собралась?

Я рывком села на кровати и уставилась на Ариэльку, которая от неожиданности ресницами захлопала.

– Я уже не сплю, – буркнула я. Недовольно покосившись на окно с заглянувшим в комнату солнцем, пробормотала: – Такой сон испортили!

– Сон? – Иришка подобралась ближе и застыла вся во внимании. – А кто снился? Блондин? Брюнет?

Я покраснела, и довольная Ирка рассмеялась от того, что попала в точку.

– Колись давай! – не отставала подруга.

– Оба, – призналась я.

– О! – только и смогла выговорить Иришка. – А сон был очень эротический или очень-очень эротический?

Я помотала головой, чувствуя, как слетают остатки сна и протянула:

– Очень-очень, – Ирка взвизгнула, как поросенок, а я мстительно добавила. – Необычный. Волшебный такой...

– Так а что необычного, если эротическим не был, – скуксилась Ариэлька. – Ну, что снилось-то, рассказывай!

– Снились они оба, – краснея, пробормотала я. И место такое... Мм-м... Восточное. Вдалеке гора, а на ней, похожий на буддистский, храм. И там, знаешь, природа такая сумасшедшая, папоротники, деревья, все зеленое... Как в Аватаре прям, только не в 3Д очках, а в 30Д, с полным погружением, с запахами, звуками...

Ариэлька старательно хлопала ресницами по мере моего рассказа.

– Так а парни-то что... Что ты мне про природу?

Я снова покраснела, но упрямо головой помотала.

– Главное там была природа, – почти не соврала, ладно, нагло соврала я. – Ощущения...

– Нет, ну что нового, что тебе Шаолинь приснился, – разочаровано протянула подруга. – Ты же им все уши прогундела. Да пока мастер Горо в академии не появился, ты же неменяемая была, только о Шаолине говорила. Мастер Горо оттуда, да?

Я даже закашлялась.

– Ириш... Шаолинь в Китае, а мастер Горо японец, если что... Это как бэ разное...

Ариэлька передернула плечиками и отмахнулась:

– Если моря нет, мне оно все на одно лицо...

– В Японии есть как раз-таки море, Японское, – пробормотала я. – И Тихий океан.

– Ну раз так, надо тебе у мастера Горо спросить, нет ли там какого Шаолинистого монастыря или академии... Я бы с тобой поехала. С условием, что ты обещаешь со мной плавать.

– Ты знаешь, – я нахмурилась, – мастер Горо как раз вчера что-то о некоей Альма-матер говорил. Даже спрашивал, не пришли ли мои документы. Спутал с кем-то, наверное.

– Наверное, – беспечно согласилась Ирка. – Ты что делать-то будешь? Сегодня у наших последний зачет, а у нас каникулы.

Мы с Иришкой были одними из тех счастливиц, кто сдал последний зачет автоматом, и в принципе, могли получить разрешение в деканате отчаливать по домам еще вчера, но не сильно-то спешили на волю. Потому что с поддельными карточками у нас всегда есть возможность выбраться ночью из общаги, как вчера, а из дома особо не набегаешься.

– Да мне вчера мама звонила, – ответила я. – Сказала, Кирюшка заболел. Мол, какой-то зело злобный вирус, предостерегла.

– То есть ты домой заезжать не будешь? Сразу ко мне? – обрадовалась Ариэлька.

– Вот и мама так сказала, – подтвердила я. – Чтобы к тебе тусить ехала. А она мне на карту денег переведет, на визу и вообще... И чтобы я вами на Гоа летела, в общем.

Общагу потряс визг Ариэльки, а мне пришлось на какое-то время утонуть в чьих-то объятиях.

– Погоди, – попросила я, мягко отстраняясь. – Что-то не нравится мне все это.

– Что не нравится? – не поняла Ирка. – За брата волнуешься?

– Знаешь, волнуюсь, – подтвердила я. – Оно, конечно, дети все время болеют, но как-то не по себе. И тон у мамы был такой... взволнованный.

– А Виталий Владиленович где? – спросила Иришка.

– Мама говорила, сегодня рано утром уехать куда-то должен был. Так что знаешь, заеду-ка я домой, мама одна, с Кирюшкой... А может, нужно чего...

Я понимала, что говорю ерунду. Если чего нужно – принесет домработница. Но что-то тянуло домой, как щенка на поводке. Что-то тревожное.

И этот мамин тон вчера... Я сначала подумала, из деканата позвонили, сообщили о случившемся утром... А потом поняла, что не это. Мама была какой-то наигранно-веселой, и Кирюшка, который выхватил у мамы трубку и спросил, когда приеду и привезу робота, большим не казался. Мама тогда забрала у братика телефон и сказала, что перевела мне деньги на карточку, и что может, не стоит к нам заезжать, еще заболею, а стоит сразу поехать к Иришке... Я насторожилась, еще когда перевод на карточку получила. И это притом, что в прошлом месяце мама высказывала, что много трачу и в следующем мое содержание урежут... И вот, что называется, урезали. В несколько раз, только не разделили, а умножили. Я еще по телефону спросила, может, мне на Гоа все лето оставаться, а мама тут же встрепенулась и затараторила, что идея хорошая, а денег она мне еще переведет...

Словом, после разговора с мамочкой не по себе было. Сильно не по себе. Вчера уже поздно было ехать домой, а ночью мы тусили, но сегодня решила во что бы то ни стало заскочить. Как-то все стремительно и неправильно навалилось. Подкаты дурака-Гадаева, его настойчивость на грани психушки, два доморощенных пикапера, которые сняты потом в неприличных снах... И вот, мама говорит, что братик заболел. Так что пока не буду убеждена, что с Кирюшкой в порядке все, даже аттракциону невиданной родительской щедрости радоваться не смогу.

Приняв душ, мы с Ариэлькой позавтракали, как и положено студенткам, кофе с подсохшими вчерашними (или позавчерашними) булочками, и, побросав кое-какие вещички в рюкзак, выбежали из общежития.

На остановке расцеловались, прощаясь, пообещав созвониться-списаться в самое ближайшее время, после чего Ариэлька впрыгнула в свой автобус, который умчал ее к нужной ветке метро, а я осталась дожидаться маршрутку.

По дороге домой я заскочила в Буслик, детский магазин, и купила самого классного робота (на мой взгляд), трансформера, с горящими глазами и весьма устрашающего с виду. После чего антилопой поскакала к отчому дому. У аптеки замешкалась, думала позвонить маме и спросить, не надо ли чего, но вспомнила ее вчерашний тревожный тон, усердие, с которым убеждала меня ехать к Иришке, а потом как можно быстрее и на дольше на океан... и не решилась.

Входная дверь тренькнула, пропуская меня, и, оторвав взгляд от монитора, на котором идет жаркая битва в Архейдж, на меня подняла взгляд консьержка, тетя Луша.

Лукреция Павловна подняла палец вверх, что означало секунду, умело вывезла свою эльфийку из стана вражеских кобольдов и, снова взглянув на меня, поправила очки на переносице.

– Белоснежка? – удивленно пробормотала она. – Доброе утро! А ты какими судьбами?
– Здравствуйте, Лукреция Павловна, – поздоровалась я, чуть скривившись на «Белоснежку», хотя тетя Луша всегда так меня зовет... как и окружающие. – Так у меня каникулы уже.

– Быстро, быстро, – удивленно пробормотала тетя Луша и снова поправила очки. – Слушай, тут такое дело, поселение этих кобольдов никак пройти не могу... Вот же крысы поганые! У них шаманы воинам помогают! Не пройти...

Я как-то помогала Лукреции Павловне в Варкрафте, Архейдж она освоила только в этом году. Естественно, я посоветовала установить, когда была дома весной, и вот, пожалуйста.

– А вы кто по специальности, тетя Луш? – поинтересовалась я.

– Моя эльфийка Лукриэль, – с гордостью сообщила консьержка. – Боевой маг, вивисектор.

– О, так вам легкая броня нужна и двуручный посох, или одноручный и щит, – протянула я. – А вы, отсюда вижу, в тяжелой бегаєте. Переоденьтесь и сами их всех замочите!

С этими словами я проскользнула к лифтам, а тетя Луша переводила недоуменный взгляд с меня на экран. Отчего-то показалось, что консьержка очень удивилась при виде меня, а потом как будто специально хотела задержать.

Так и есть.

– Ташечка! – крикнули мне вслед.

Но спасительные двери лифта раскрылись, я в них юркнула, помахав напоследок тете Луше, делая вид, что не поняла ее окрика, отметив про себя, что консьержка захлопнула ноут и взяла в руки мобилку.

Когда двери лифта снова распахнулись, на двенадцатом этаже, на площадке меня поджидала мама.

Но в каком виде!

Мамочка у меня очень красивая и молодая. Светленькая, волосы вьются, лицо сердечком, как у куклы Барби, стройная, с большой грудью. Она даже по дому носит шикарные платья или модные леопардовые лосики и тунички с горловиной на одно плечо, обожает кристаллы и стразы. Причем если на ком-то блески выглядят мягко говоря, неуместно, то на мамочке любой наряд, даже самый вычурный и экзотический, смотрится шикарно. Словно райская птичка залетела в нашу серую реальность из другого мира, и, как ни старается закосить под местного воробья, красит серой краской перышки, а яркое оперение все равно пробивается, не скроешь. Надо сказать, фигура и овал лица у меня в нее, и в чертах что-то похожее есть. Только волосы темные, почти черные, но с каштановым отливом, тяжелые, явно папины, и глаза зеленой листвы.

Сегодня же мамочка была одета в какой-то невообразимый балахон, кутающий ее до подбородка и да кончиков пальцев рук. Такой широкий, с продольными складками, что непонятно, какая там, под ним, фигура. На голове – бледно-голубой платок в тон, что до последней волосинки прическу скрывает. Макияж – тут только мой опытный глаз определил, что он есть, а так с двух шагов даже туши на ресничках не заметишь.

Расшит балахон индийскими огурцами и ящерками, тоненькими, бледными, но какими-то живыми, с растопыренными лапками.

– Дочь моя! – возвестила маменька на всю площадку, стоило дверям лифта разъехаться.

– Mam, ты чего? – интересуюсь, выходя из лифта и чмокнув родительницу в холеную щеку. – И что с тобой? На тебе? Ты с Виталием Владиленовичем поругалась и теперь в монастырь уходишь? В прошлый раз ты ему обещала в мужской уйти.

Мамулечка замешкалась, но лишь на пару секунд. В следующий миг порывисто обняла меня, прижала к груди.

– Ташечка, девочка моя, Белоснежечка.

А вот это уже тревожно.

– Мам, да что с тобой? – лоб хмурю.

А мама не перестает удивлять.

– Ты вещички домой постирать решила закинуть?

С этими словами мамуль попробовала отнять мой рюкзак, а сама выразительно на двери лифта глазами показывает, и я буду не я, если не намекает.

Рюкзак я не отдала. Вместо этого напомнила:

– Мамуль, какой стирать? Мы с Ариэлькой в блоке живем. У нас стиральная машинка имеется. Я робота Кирюшке привезла.

– Я передам, – тут же нашлась мамочка.

Тут я уже не выдержала.

– Мам, ты долго собираешься дочь родную на пороге держать? Пройти дай. Братика обрадую.

– И ничего и не собираюсь, – возразила мамочка. – А если Кирлика радовать начнешь, это будет долго. А у нас каждая минута на счету.

Дверь в коридор приоткрылась и из нее высунулась кудрявая белокурая голова. При виде меня голубые глазки просияли, словно в них зажглись лампочки.

– Сашка! – закричал Кирлик.

– Кирюш!

Тут уже мамочка больше пройти мне не препятствовала, и я просочилась в отчий дом.

Оказавшись в огромном светлом холле, присела, уперевшись коленом в пол и принялась тормозить брата. Первая волна радости при виде меня быстро схлынула, потому что поцелуев Кирлик, как всякий настоящий мужчина, понятно, не выносит.

– Что ты мне принесла? – спросил он, поморщившись, но стоически терпя проявления сестринской нежности.

Ласково потрепала его по макушке и ответила:

– Так а кто робота заказывал?

Громогласный вопль потряс квартиру и вынудил мамуль прислонить ладони к ушам, когда достала из рюкзака и торжественно вручила подарок.

– Ух ты! – вопил восторженный Кирлик. – Трансформер! С крыльями! Ты видела? О! Он в дракона трансформируется!

Братик порывисто обнял меня за шею, так, что чуть не задушил и клюнул пару раз в щеку.

Я довольно рассмеялась, а мамуль, которая на нас смотрела, побледнела.

– Это знак, – сказала она. – Опять знак... Они близко...

– Какой знак, мамуль? – спросила у нее, но мамочка только отмахнулась. Поскольку это была не единственная странность за утро, я решила внимания не обращать. Пока.

Сама в комнату унеслась, сбросила успевшие поднадоесть бесформенные джинсы с подворотами и толстовку цвета хаки, переделалась в драные джинсики в обlipку, потертые на самых правильных местах и маечку на бретельках, модного акульеого цвета. Походя любовно погладила древко лука на стене, у меня их целых три, почти коллекция. А самый любимый, тот, что в детстве Виталий Владиленович сам смастерил. Как бы мамуль ни хмурилась, мол, портит вид комнаты, его выбросить или со стены снять нипочем не позволю!

На другой стене на полках книги и фотки. Мы с мамулю, с Ариэлькой, а больше всего с Кирликом. Одна скромная фоточка с отчимом, очень стеснялась, когда ее в рамочку ставила, и еще больше, когда Кирюшка меня, захлебываясь, Виталию Владиленовичу сдал, а тот хмыкнул.

Еще недавно постерами было все заклеено, солистами рок— и готических групп, про которых мамуль не уставала повторять, что они страшнее атомной войны, в смысле солисты, хотя и творчество с ее точки зрения тоже.

Мобилка тренькнула, тыкнув на конвертик, прочитала сообщение от Ариэльки:

«Белоснежка, а нас двоих ждали. Оказывается, твоя мамуль моей звонила и предупредила, что мы вместе приедем»...

То, что мамуль пыталась мне что-то сказать, еще там, на площадке, но почему-то так и не решилась, понятно. Как понятно, что что-то не то. Ну ничего, я человек упрямый, к тому же спешить мне некуда, сейчас выведу...

Словно прочитав мои мысли, мама, постучавшись и дождавшись моего «угу», зашла.

Прежде, чем закрыла за собой дверь, я успела расслышать довольный вопль братишки.

– Как-то не похож он на умирающего лебедя, – проговорила я, не отрывая глаз от мамули.

Та вспыхнула, потупилась и забормотала, что ему да, намного лучше.

– Как и ты не похожа сама на себя, – продолжила я. – Зачем платок на голову повязала? Что за хламида на тебе? Только не говори мне, что модно. Я последние три месяца не в лесу жила, знаю, что модно, а что нет, и что тебя не заставишь макси надеть, если содержимое декольте не вывалить и руки не открыть... Украшений нет, макияж скромнее, чем у восьмиклассницы, которая у мамки помаду стибрила... Что происходит, ма-ам?

Мамуль ресницами захлопала, зарделась, слушая меня, а потом огорошила:

– Тебе нужно уехать, Сашенька.

Я так и села на свое девичье ложе с открытым ртом.

Мамочка рядом опустила и за руку взяла. Причем пальцы ее при этом дрожат, а подбородок дергается.

– Мам, что случилось? – спросила уже серьезно. – Если что-то... ты только скажи... У Виталия Владиленича... по работе проблемы?

Мама посмотрела на меня удивленно, головой помотала.

– Нет, у Виталика нормально все. У тебя проблемы, Ташечка.

– У меня? Да какие у меня проблемы, мам? Сессию на отлично сдала, кстати, спасибо, что заинтересовалась... Если ты про Гадаева с компанией, так они огребли вчера так, что не только меня, девочек на красной улице за версту обходить будут...

– Саша! – ахнула мама. – Ты откуда о такой улице знаешь? Не к лицу девушке о таком знать, да еще вслух ...

– Ну знаешь, мамуль, – опешила я. – Вот чего-чего... а ханжества за тобой раньше не водилось...

В ответ на мой справедливый упрек мамуль и вовсе себя неожиданно повела.

Руку протянула, локон мне за ухо заправила, проведя пальцами по щеке, прошептала:

– Девочка моя, как на отца-то похожа...

– Мама! – моему возмущению предела нет.

Она ведь за все годы со мной ни разу об отце не заговорила!

Тут мамочка встрепенулась, словно какая-то неожиданная мысль пришла, или что-то с запозданием до нее дошло.

– Погоди. А что с Гадаевым? Это который с первого курса тебе прохода не дает? Ох Ташечка, он не так и виноват. Он не может на тебя не реагировать, Ташечка, никто не может... Да ты, наверное, и сама заметила.

А это уже возмутительно!

– Мама! – возмущаюсь вслух. – Да если бы не мастер Горо, еще неизвестно чем закончиться бы могло.

– Мастер Горо для того и приставлен, – невозмутимо протянула мамуль, поводя точеными плечиками. – Его специально из Альма-матер прислали... Впрочем, что это я.

– Это еще из какой-такой Альма-матер, мамуль? – вскипела я. – И мастер Горо о ней говорил... Я-то подумала, сэнсэй заговаривается, или спутал меня с кем-то... О документах каких-то говорил, спрашивал, кажется, прибыли они-не прибыли... Я ничего не понимаю, мамуль, честно!

Видимо, чтобы совсем уж меня шокировать, мамулечка побледнела, а еще у нее пальцы задрожали.

– Документы должны прийти? Из Альма-матер?! Беги, Сашечка, беги! Я уже с Ириэлькиными родителями договорилась! Сегодня дома посидите, только, никуда не выходите, а завтра на океан махнете. Визы вам дадут, у Виталия Владиленовича там знакомые... Солнце, пальмы, п-песок!

Мама деланно заулыбалась, а у меня прям весь запал юмора и оптимизма пропал.

– Я тебе завидую... Живи там, сколько хочешь! – продолжала тарыхтеть мамуль. – Если денег нужно, я еще перекину! Только, пожалуйста, делай, что я говорю!

– Мама! – невежливо перебила я мамулечку. – Ты объяснить по-человечески мне ничего не хочешь?

– Нет времени, Ташечка, нет времени! – проговорила мамочка, вцепившись в кисть обеими руками. – Я тебе потом все расскажу, честно-честно, когда все позади будет, а сейчас они в любую минуту могут прийти за тобой.

– Да кто прийти-то должен? – судя по маминому виду, дело тут какое-то серьезное, поэтому спросила, пристально глядя в глаза. Но с таким видом, что меня только бульдозер с места сдвинет, пока мамуль не расскажет.

Мамулечка сглотнула, посмотрела на меня с отчаяньем, и, видимо, сообразив, что не отстану, дрогнувшими губами пояснила.

– От твоего отца.

Меня как обухом по голове шарахнули!

Déjà vu такое стойкое, по коже отчего-то мурашки маршировать принялись, в груди ухаёт, пальцы на руках и ногах заledenели.

– От отца? – вытаращившись на мамуль, переспросила на всякий случай, от души надеясь, что мамочка разыграть решила, путь и не слишком нормальным способом.

Мамочка порывисто к себе прижала, как я давеча Кирилика, принялась по голове гладить и забормотала:

– Сашечка моя дорогая, девочка моя, ты не понимаешь... Нельзя тебе туда... Ты не такая, как женщины их мира. Ты совсем-совсем другая. Опять же, не знаешь традиций... Даже то, что из Альма-матер документы пришли, пусть даже так, отец вправе не пустить. А он наверняка захочет тебя в дракарате оставить, или пообещает какому-то клану, а тебе к драконам нельзя, совсем нельзя. Ты не сможешь жить с ними, никак не сможешь... Я хоть и растила тебя, как принцессу, да только не драконью...

Надо сказать, я совсем опешила. Прямо вот в ступор впала. Потому что мамочка абсолютно адекватной и здоровой выглядит, только напуганная сильно. А мамуль мой только с виду нежный цветок, я-то знаю...

– Мамочка, – осторожно отстранилась. – Ты что... что говоришь такое...

И тут вижу в мамочкиных глазах слезы. И понимаю, что она не шутит.

– Так мой отец жив, – доходит до меня и мамочка кивает.

– Тут ко мне двое пристать пытались, – не знаю зачем, говорю это мамулечке. – И оба с одним и тем же дурацким подкатом. Оба говорили, что от моего отца... Я еще подумала, какая глупая шутка. Принцессой меня называли...

– Где, Сашечка? – дрогнувшим голосом уточнила мамуль.

Я рукой махнула.

– Там, возле академии.

О том, что еще в клубе среди ночи я сообщать, по понятным причинам, не захотела.

– Срочно бежать, – резюмировала мамуль, и вот таким тоном она это сказала, что мне, как спорить, так и шутить как-то совсем перехотелось.

– Я чувствую, это они, – добавила мамочка.

И в этот момент входная дверь тренькнула звонком.

Мама сразу побледнела, чуть не сравнявшись цветом со своим голубым платком и балახоном.

– Поздно, – сорвалось с ее губ. Но мамуль тут же нашлась: – Сашка! Давай в окно!

– Мамуль, – а вот сейчас уже начинаю подозревать, что у мамулика, как минимум, жар.

Напоминаю: – У нас двенадцатый этаж.

Мамулечка вздрогнула, как-то странно на меня посмотрела.

Раздался радостный вопль Кирлика.

– Папа вернулся!

Мамуль тут же бросилась из комнаты. Я – за ней.

Сбегая по лестнице, мамуль крикнула братишке, что это не папа, и чтобы шел в свою комнату. Кирлик нехотя подчинился.

Мамулечка раньше меня к двери подбежала, я на лестнице стоять осталась, потому что что-то с ногами случилось. Ослабли и как-то свинцом налились. Я замерла, дрожащей рукой в перила вцепилась, смотрю, как мамочка такими же дрожащими руками дверь отпирает.

А на пороге... тот самый брюнет, из клуба.

Высокий, на две головы выше мамочки, широкоплечий, на этот раз в оранжевой майке, что только лучше смуглый цвет кожи подчеркивает, и красивый просто до невозможности.

У мамочки плечи дрогнули, как его увидела, отступила на шаг.

А парень отмочил:

Стремительно опустился на одно колено, затем, склонив голову, пальцами обеих рук дотронулся до смоляной макушки, лба и груди. У меня нервный смешок вырвался. Хотя если бы знала заранее, что мамочка в ответ вытворит, я бы, наверное, с лестницы скатилась. Потому что она тоже присела стремительно, коленями пола коснулась, и наманикюренными пальчиками по паркету щелкнула, кивнув.

Я обеими руками в перила вцепилась, опасаясь с ума сойти, а мамочка уже распрямилась и сказала парню, который так и застыл с опущенной головой:

– Приветствую, дракон. Можешь войти в мой дом.

– Я войду в твой дом с миром, госпожа, – сказал парень, поднимаясь.

Стоило ему порог переступить, как он взгляд поднял и меня глазами нашел.

– Приветствую, принцесса, – сказал он, старательно выговаривая слова. – Я Кенджи Кеншин, второй сын предводителя клана Тигрового глаза, Подземного дракарата, и временно поверенный твоего отца, могучего воина и верховного предводителя Огненного дракарата Мичио Кинриу. Я пришел за тобой.

– О как, – вырвалось у меня. – А на колено падать будешь?

Глава 6

Отчего-то мои слова разгневали брюнета, чье имя я так и не запомнила.

Он, конечно, постарался виду не подавать, но у меня по военной психологии всегда самый высокий бал был, а Александр Сергеевич, психолог, нередко замечал, что интуиция у меня на грани фантастики, так-то. Поэтому от меня ни чуть сузившиеся глаза не укрылись, ни расширившиеся зрачки, а также то, как парень зубы сжал. А еще от него сразу опасностью повеяло. И что-то внутри меня откликнулось на эту опасность. То чувство, которое бывает, когда тебя на спарринг вызывают. Сразу такой прилив адреналина и хочется уделывать противника, показать, кто сильнее.

Я руки на груди сложила, спину выпрямила и презрительно так уголком губ дернула.

На щеках парня желваки заходили, и он презрительно так протянул:

– Дракон не преклоняет колено перед женщиной.

Вот так. Думал, припечатал. Но не на ту напал.

– Врешь, – также презрительно сообщила ему я, отчего у него глаз дернулся. А я напомнила: – Только что ты тут перед мамуликом чуть не ползал.

Мама ахнула, а парень губы сжал, вперед шагнул, отчего у меня внутренний адреналинщик в пляс пустился.

Но потом брюнет замер и процедил:

– Твоя мать, Джун, госпожа. Хоть и бывшая. Так что церемония приветствия уместна. Ты же...

– Мою маму Юлей зовут, – перебила я парня, а сама подумала, что мамуль предпочитает, чтобы к ней обращались на американский манер, Джулия, но вслух, из чувства вредности, говорить этого не стала.

– Кенджи Кеншин, – подала голос мамочка. – Не будешь ли ты так любезен проследовать в трапезную? Там, за трапезой и беседой, мы поговорим о твоей миссии в этом мире, и, надеюсь, придем к самому правильному решению.

– Эй, мамуль, – прервала я славословие мамочки. – Чейта этому грубияну, который на колени бухнуться отказался, в нашей трапезной делать? И потом, дочери родной, у кого с утра маковой росиночки во рту не было, ты, значит, позавтракать не предложила, а этому...

В меня нехорошо стрельнули взглядом черных бархатных глаз, а потом вовсе отвернулись.

– Я с удовольствием принимаю твое приглашение, госпожа Джун, – с достоинством ответил мамочке этот, кого как-то на К зовут. Но потом добавил: – Но если ты надеешься за приятной беседой и сытной трапезой отвлечь меня от моей миссии, сразу предупреждаю: тебе это не удастся. Мичио Кинриу вправе потребовать назад дочь, и поэтому твоя дочь вернется со мной в свой мир.

– Что значит, вправе? – опешила я. – Что значит, вернется?

К моему негодованию, ни странный гость, ни мамуль никакого внимания на меня не обратили, а пошли в столовую, мама впереди, с гордо выпрямленной спиной и задраным подбородком, указывая дорогу, а за ней этот псих, утверждающий, что он от моего отца и вообще не из этого мира.

Я дождалась, пока колени перестанут подкашиваться, а в груди все ухать, вспоминая чарующий голос брюнета, его жгучий взгляд, чуть презрительную улыбку и чертову бездну обаяния, и, наконец, смогла выпустить перила. Стараясь привести дыхание в норму, потопала за мамочкой и этим странным типом, которого мамуль назвала драконом.

Войдя в кухню-столовую, я обнаружила совсем уж идеалистическую картину: наглый брюнет расселся, как у себя дома, а моя мамуль, в число чьих добродетелей готовка не вхо-

дит, потчует его блинчиками со сметаной. Золотистыми такими, поджаренными с двух сторон, фаршированными блинчиками. Помимо незыблемого шедевра русской народной кухни на столе обретается мясной рулет, котлеты, рагу, кулебяка с капустой и отбивные в тесте.

И гость наш ест! Жадно, много, только и успевает вилкой с ножом махать, пока мамочка ему в тарелку все подкладывает и подкладывает, а оно все исчезает в какой-то черной дыре.

Пока таращилась на зверско-здоровый аппетит парня, в животе сжалось и забурчало. Но поскольку меня к столу никто не приглашал, дала бульканью жесткий «отбой», а сама протопала к кофе машине.

Только когда в руках оказалась большая чашка с капучино, источающим обалденный аромат кофе и корицы, горделиво прошествовала за стол. Тут гордость меня временно покинула, потому что аромат в воздухе стоял просто умопомрачительный, а брюнет ел так, как в последний раз.

Когда во рту почти одновременно оказался кусок рулета, фаршированный блинчик, котлета и щедро посыпанный сыром картофельный салат, чуть не замычала от удовольствия.

Первый голод был успешно утолен и я подтянула к себе чашку с капучино. Гостю же мамуль заварила зеленого чая с жасмином, и мне было хорошо видно, как нежные лепестки распустились в прозрачном заварочном чайнике.

Судя по довольной физиономии брюнета, «трапеза» пришлась ему по вкусу.

– Уважаемый Кенджи Кеншин, – начала было мамуля, но в этот миг из прихожей раздалась раскатистая трель звонка.

Мама дернулась, побледнела, а этот то ли Кенджи, то ли Кеншин, нахмурился.

Мамуль плечиками пожала, и, извинившись, поднялась из-за стола.

Я, старательно не глядя на брюнета, за мамочкой последовала, ощущая на своей, скажем, спине, взгляд, который до мурашек пробирал. Пока шла в прихожую, судорожно соображала, что с гормонами-то делать, ведь никогда до этого так не реагировала ни на одного парня, как на этого, и еще на того, блондинистого...

Когда в прихожую вышла, мамочка дрожащими руками уже дверь открывала.

У меня по спине липкими лапками холодок пробежал, снова появилось ощущение *déjà vu*. А когда дверь распахнулась, колени уже привычно подкосились.

На пороге стоял блондин.

И взгляд его был через мамочкино плечо направлен. На меня.

Как током прошибло! Сине-ледяные глаза жгли насквозь, впиваясь в самую душу. В мыслях пронеслось, что еще немного, и потеряю сознание, как какая-то кисейная барышня, если продолжит смотреть. И если не продолжит – тоже.

Взгляд блондин отвел, когда мамуля сказала:

– Приветствую, дракон.

У меня внутри ухнуло, мир покачнулось, я рукой о стену оперлась. Хорошо, что блондин этого не наблюдал. Как каких-то полчаса назад брюнет, он низко склонил голову и опустился на колени. Пальцами дотронулся до макушки, лба и груди.

Мамуля тоже, к моему негодованию присела, легко, словно ничего не весит, колени на миг на паркет опустила, голубыми ногтями с золотым узором по нему же щелкнула, и поднялась.

– Ты можешь войти в мой дом, дракон, – сказала она.

– Я войду в твой дом с миром, госпожа, – сказал блондин, поднимаясь.

А когда порог переступил, снова в меня своими сине-ледяными глазами впился.

– Приветствую, принцесса, – проговорил он низким, бархатным голосом, и по телу строем пошли мурашки. – Я Ичиро Исами, первый сын предводителя Ледяного клана, и временно поверенный твоего отца, могучего воина и верховного предводителя Огненного дракатора Мичио Кинриу. Я пришел за тобой.

– Déjà vu, – вырвалось у меня.

Блондин нахмурил брови и переспросил:

– Что?

– Что, – пробормотала я, отчаянно надеясь, что голос не дрожит. – И ты на колени падать не будешь?

Блондин нахмурился еще больше, губы и вовсе вытянулись в одну линию.

– Дракон никогда, – начал было он, а потом переспросил: – Что значит, и ты, принцесса?

– Так пришел уже доверенный от папеньки, – нагло сообщила ему. – Припозднились вы, сударь.

В это время как раз брюнет из коридора вышел, обдав волной жара, а я в него пальцем тыкнула:

– Вот он.

На лицах, что у одного, что у второго, ярость проступила, стоило им друг друга увидеть.

– Ты лжешь, – прошипел брюнет, прожигая взглядом блондина. – Я – доверенный отца принцессы.

Тот нехорошо так прищурился, и протянул.

– Ты обвиняешь меня во лжи? В то время как сам, в обход данного тобой слова, проник в дом госпожи Джун?! Был уговор: не входить в дом принцессы! Ты его не выполнил.

– Не выполнил, – подтвердил брюнет. – А ты сам тогда, что здесь делаешь?

На лице блондина на миг мелькнуло замешательство, и он проговорил:

– Ты же знаешь, что совсем не осталось времени. Врата скоро закроются, и прежде, чем лучи заката коснутся Лазурного моря, принцесса должна быть возвращена верховному предводителю Огненного дракаррата Мичио Кинриу.

Брюнет руки на груди сложил и бросил:

– Принцесса будет возвращена. Я, доверенный Мичио Кинриу, даю свое слово. А ты уходи.

Блондин шаг навстречу сделал, всего один, а мне, которая рядом с брюнетом стояла, захотелось в стену вжаться. Потому что одно дело, когда одному из них вызов бросаешь, другое – когда их двое, оказывается. У меня впервые в жизни инстинкт самосохранения проснулся. Хотя наверно, это еще и слабость в коленях сказала, и гормоны, которые вот-вот, как тогда, с катушек съедут.

– Это ты уйдешь, а я доставлю принцессу домой, – невозмутимо сказал блондин, и я заметила, как у него перекачиваются на груди и могучих руках мускулы. Он сжал и разжал пальцы, и шагнул вперед.

– Отойдите, женщины, – небрежно обронил брюнет и устремился навстречу сопернику.

***

Не успели мамочкины пальцы сжать мои, как начался бой!

Два вихря сошлись в диком, первобытном танце! В воздухе мелькали ноги, руки, вздымающиеся белоснежные локоны сменяли другие, черные, как ночь. Все происходило в такой пугающей тишине, что я слышала, как гулко звучит мое сердце.

Я никогда не видела ничего подобного, даже мастер Горо на тренировках и совместных спаррингах не был так хорош, а ведь японец – один из лучших, кого вообще видела в жизни.

Я стояла с открытым ртом, чуть не капая слюной на паркет, вздрагивая каждый раз, когда в воздухе мелькала рука или нога, когда из-под смертоносного удара уходил противник... Я с силой сжала мамины руки, закусил губу, не в силах отвести взгляд от происходящего.

Мозг озарило молнией, что то, что я чувствую, не просто интерес, не просто отслеживание невиданной до сего момента техники боя... Немыслимая сила, исходящая от этих двоих была ощутима физически, я почти видела, как каждый из них излучает сияние, тот, что с белыми волосами, белоснежное, с голубизной, словно неоновый свет, а брюнет – какое-то баг-

ряное, со сполохами крошечных молний. Ореол искр окружал бойцов, и как вчера я понимала, что у Гадаева с компанией нет ни шанса выстоять против этих двоих, так и сейчас осознавала, что силы противников равны.

Я не очень поняла причину, по которой они сцепились, кажется, кто-то из них говорил о лжи... Каким-то женским чутьем я понимала, что это неважно. Независимо от внешней причины эти двое сражались... из-за меня, и это было совсем непохоже на драки, которые бывали из-за меня до этого, в большинстве из которых, я, кстати, сама с удовольствием принимала участие.

Нет... сейчас где-то в глубине царило осознание собственной важности, значимости, гордости и, пожалуй, бесценности, именно потому, что двое сильнейших из виденных мной людей бились между собой, и причиной была я!

Это осознание смешалось с настоящей гормональной атакой, я ахнула, чудом устояв на ногах, и оторопело заморгала, когда мамочка обняла за плечи и чуть потрясла.

Мамуль смотрела на меня с такой понимающей улыбкой, что я зарделась. А когда прочитала в глазах мамули какую-то смертную тоску, смогла, наконец, немного притушить гормональный пожар.

– Мама, ты его любила? – вырвалось у меня.

Мамочка старательно так ресницами захлопала, зарделась, как девочка, и я невольно подумала, что она у меня еще очень-очень молодая, и до безумия красивая.

– Кого? – неправдоподобно переспросила мамуль.

– Моего отца, – тихо сказала я, и мамочка сглотнула.

Прежде чем ответ сорвался с ее губ, глаза блеснули, словно их озарило внутренним светом.

– Как можно не любить дракона? – прошептала мамочка.

Я понимала, что то, что говорит мама, какая-то шутка, сказка. Но эти двое, кого мама назвала драконами, что дерутся прямо в холле нашей немаленькой квартиры, казались до того нереальными, невозможными, с этой их силищей и моим гормональным ответом на нее, что вместо того, чтобы усмехнуться, я выпалила:

– Так это правда? Что мой отец дракон?

Стоило словам сорваться с губ, как внутри разлилось странное, незыблемое спокойствие, и что-то подсказало, что да, правда.

Мама кивнула, и в глазах у нее блеснули слезы.

Я хотела спросить, как так, но тишину прорезал тонкий веселый голосок.

– Ух ты, Сашка, это из-за тебя эти дерутся, что ли? Твои эти... однокурсники? Ты говорила, что они дебилы.

Мы с мамочкой оглянулись – на лестнице застыл Кирюшка, мордочку высунул между деревянных перил.

К моему изумлению, эти двое тоже замерли. И вот сколько бились, а на лицах даже испарины нет!

– Кирилл! – строго сказала мамуль. – Что за выражения?

– Так ведь это не я, а Ташка так говорит, – нашелся братишка и пожал плечами.

Не успела я ответить братику, как за меня это сделал блондин:

– Мы с Кенджи Кеншином выясняли, кому из нас сопровождать принцессу Таши Кинриу во дворец великого Мичио Кинриу.

По ступенькам лестницы затопали ножки в сандаликах.

– Это Ташка-то принцесса? – без особого почтения уточнил братишка.

– Совершенно верно, – ответил ему блондин, а у меня в груди потеплело.

Братик замер на лестнице, перевел серьезный взгляд на меня, словно смотрел другими глазами, и, наконец, важно обернулся к гостям.

– Она и вправду красивая, как в мультике. Не зря ее все Белоснежкой зовут, – сдал меня этим двум Кирлик.

– Ки-ир, – нехорошо протянула я. Но братишка меня не слушал.

– А где вы так драться научились? Я видел, как Ташка дерется, ей до вас далеко.

Я насупилась, а братику ответил брюнет:

– Мы обучались азам в Альма-матер, и закрепляли свои навыки в боях.

– В Альма-где? – переспросил Кирлик.

– В Альма-матер для драконов, – ответил на этот раз блондин.

А у меня внутри кольнуло, когда вспомнила, что об этой самой Альма-матер и мастер Горо говорил, и мамуля. Причем, кажется, сэнсэй что-то о документах говорил, которые оттуда прийти должны, а мамочка упоминала, что даже если будут эти самые документы, отец вправе туда не пустить...

– Так вы друг другу из-за этого физиономии чистили, – спускаясь по лестнице, Кирлик, видимо, решил вывести некоторых на чистую воду. А если Кирюха что-то решит... – Из-за того, кто мою сестру в эту вашу драконью мать повезет?

Мама ахнула, явно не одобряя поведения сына, а эти двое как-то тревожно переглянулись, а потом брюнет закашлялся, а блондин ему по спине похлопал.

– Женщины не бывают драконами, – до неприятного надменным голосом произнес брюнет, откашлявшись.

Блондин добавил:

– И уж тем более не учатся в Альма-матер.

– Мы здесь, чтобы забрать принцессу, которая принадлежит Огненному дракарату и доставить ее в родной Золотой клан, отцу.

Братик покивал, хмуря бровки, словно что-то понял, а потом спросил с надеждой и придыханием в голосе:

– А мне в эту драконью мать можно? Страсть как хочу также драться научиться! Я тогда Толика и Павлуху в садике так уделаю, что мало не покажется. Я буду великим воином! Очень-очень великим воином!

– Кирилл! – возмущенно воскликнула мамуль, но братик на нее даже не взглянул. Вниманием Кирлика безраздельно владели гости.

– Ты человек, рожденный от человека, – терпеливо объяснил блондин братишке. – И принадлежишь этому миру. Тебя не примут в Альма-матер, где обучают драконов.

Личико будущего великого воина сморщилось, нос и щеки покраснели. Прежде, чем по пухлым щекам заскользили влажные дорожки, он сообщил блондину:

– Тогда, по-моему, ты дурак!

– Вот именно! – согласилась с братиком я, бросаясь Кирюхе навстречу. В следующую секунду уже обняла братишку, и, обернувшись, к блондину, презрительно бросила: – Велико-возрастный дурак! Совсем не умеет с детьми разговаривать!

– Я не ребенок! – запротестовал братик, а брюнет смерил блондина уничижительным взглядом и приосанился.

– Я согласен с братом принцессы.

Кирлик шмыгнул носом. «Братом принцессы» ему явно больше нравилось быть, чем «человеком, рожденным от человека».

Мамулечка, которая разрывалась между нами с Кирюшкой и не в меру наглыми гостями, наконец, сказала:

– А не пройти ли нам всем в трапезную?

Кирюшка даже носом шмыгать перестал. Уставился на мамуль во все глаза, и мокрыми ресничками захлопал, мол, что у нас, в квартире место есть, о котором он не знает?

– Мама кухню имеет ввиду, – перевела я для братика.

Гостей дважды приглашать не пришлось. Бросив напоследок виноватый взгляд на нас с Кирюхой, они важно проследовали за мамочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.